



Первичный цвет



Шолох Юлия

Шолох Юлия

Первичный цвет

Город был совсем не таким, каким его помнила Маша. Пять лет назад, во времена учёбы в старших классах он казался ей большим и ярким, однако сейчас, после столицы, стал серым и грязным. Жалким. Улицы не такие уж широкие, а дома вовсе не небоскрёбы. Редкие машины ползли по улицам со скоростью улитки. Память круто обманывала, рисуя вместо сонного городка современный густонаселенный мегаполис.

Или настроение ни к чёрту.

Маша вышла из рейсового автобуса на автовокзале, где знаком каждый столб, и мялась на месте, не в состоянии решить, куда двигаться дальше. Поездка с пересадками, длившаяся со вчерашнего обеда, то есть больше суток, выжала из неё все силы.

Но необходимо шевелиться, иначе останешься на улице. Родственники, которые нехотя приютили Машу месяц назад, так же как те, которые до этого приютили её два месяца назад, долго не выдержали, отправили к очередной троюродной бабушке, выдав денег в обрез. Наличных хватит перекусить в дешёвой забегаловке и на автобусный билет до последнего пункта — деревни в семидесяти километрах южной города. Банковской карты у Маши давно не было.

А когда там нужный рейс? Маша прошла в обшарпанное помещение вокзала и поискала табло с перечнем рейсов. Так... висит на том же месте, что и десять лет назад, и маршруты не изменились. Ага, вот нужный — сегодня поздно вечером или завтра рано утром, за день всего два.

А время только послеобеденное. В животе немилосердно урчит. Решено, Маша отправится на грустную прогулку по городу и попробует найти Долли. Она с сыном вроде бы переехала сюда к тётке. После того случая они все разъехались по родственникам. Несколько месяцев Маша провела как в вакууме, ни единой новости о друзьях, а ведь с Долькой они с детства не разлей вода были, ближе, чем родные сестры.

Телефон! Вещей у Маши мало, всё с барского плеча прижимистых родственников, и телефона среди них нет. Но номер тётки Долькиной мог где-то заваляться. В записной книжке со школьных времен, которую Маша таскала с собой в качестве талисмана. Не пользовалась давно, к чему, когда есть айпады да смартфоны... были, верней, но бумага-то хранит лучше.

Маша выскочила из душного, пропахшего пылью здания автовокзала и попыталась найти лавку под навесом. Ага, с разбегу, все забито огромными тётками с не менее огромными сумками, рыдающими детьми и старичками. Мужики помоложе смоят возле урн, и над всем этим вонь бензина. Голова почти разболелась, но нынче не до роскоши.

Потерплю, решила Маша и почти бегом отправилась в сторону центра. Идти полчаса, но по дороге дворы, а на дворах детские площадки и лавочки, где можно немного посидеть. Буквально через дорогу располагался небольшой рынок, когда-то он казался верхом роскоши и изобилия, в сейчас... два ряда жалких палаток. Но какой-никакой, а рынок. Маша прошла его насквозь, перешла ещё одну дорогу и вот они — жилые дома. Первая же детская площадка, совершенно пустая, подойдёт.

Её сумка больше напоминала старый мешок, к которому приделаны засаленные ручки. Родственники вытащили его из чулана, встряхнули от пыли и подарили, оторвав от сердца. Не с пакетом же отпускать в дальний путь.

Всех личный вещей Маши — крошечный кошелек с алой бабочкой, складная расчёска с

зеркалом и записная книжка с красивой застёжкой.

Столько старых, памятных записей... некоторые расплылись от воды, некоторые стёрлись от времени, но благодаря застёжке страницы не истрепались и записи остались читаемы.

Вот он! Тётка Вероника Ивановна и номер телефона. Значит, можно узнать, где Долли! А если тут, в городе... то даже увидеть её!

Только где взять телефон? Они остались ещё, уличные или почтовые? Как там... переговорный пункт?

Блин, а есть охота. Но сколько стоит звонок? Короче, нужно купить булку и банку газировки, а остальное оставить на звонок.

Найти телефон оказалось миссией практически невыполнимой. Людей на улицах было не то чтобы много, но даже те, что были, не отличались дружелюбием. Каждый оглядывал старую одежду Маши и, похоже, принимал её за алкоголичку или помешанную, то есть помогать не спешил. Даже тётки, которые в силу принадлежности к одному полу должны были испытывать сочувствие, кривили губы и шли прочь.

Маша не привыкла к такому обращению. Но придётся.

Тогда она переметнулась на другую сторону общества и стала расспрашивать пьянчужек. Эти оказались более говорливыми, так что Маша вскоре узнала, что есть небольшой переговорный пункт, через два дома от кинотеатра, который в центре, но работает только до шести вечера. Маша глянула на небо — темнело. Внутренние часы подползали к пяти, то есть поздно, даже если бежать, не успеет.

— Но есть аппарат на улице! — почесав грудь под серой рубашкой, вспомнил какой-то синяк.

— Где? — Маша поймала себя на мысли, что готова его расцеловать. Впрочем нет, погорячилась — слишком несёт перегаром.

— Дык, за площадью Чайковского, там длинный дом без окон, прямо посередине.

Маша сразу вспомнила место. Площадь Чайковского была главной площадью города: квадратная, пустая, по периметру лавочки да кусты. А вот дом вдоль площади — местная достопримечательность, дорога между ними выложена брусчаткой, а сам дом со стороны площади вообще без окон, этакий громадный кирпичный забор, загораживающий полгорода.

Маша запахнула куцую куртку и бодрым шагом направилась к площади Чайковского. Как и раньше, город почти не освещался, а тут ещё и дождик припустил. Молодежь это не остановило — она выползла на улицы, пила пиво, дымила, развлекалась, как могла, прямо как Маша с Долли когда-то.

Когда-то очень давно.

В животе заурчало. Что той жалкой булки? А еще вместо газировки пришлось купить бутылку воды, сладким-то не напьёшься, так что теперь есть захотелось так, что прямо переросло в жрать. Мама бы, вероятно, позеленела, услышав, как теперь позволяет себе выражаться Машка.

На площади, где в жару можно превратиться в бекон, поздним вечером было прохладно и темно, жалкие четыре фонаря по углам светили скромно, как кисейные барышни.

И вот она — стена! Маша припустила бегом, не обращая внимания на живот, поджавшийся, как у борзой, и рюкзак, который натёр плечо.

Наконец-то! Вдруг там Долли!

Теперь только бы работал. Только бы работал! Маша сняла трубку из исцарапанной

пластмассы и еще до того как поднесла к уху услышала гудок.

Номер по дороге она заучила наизусть. Давай, палец, не подводи. Губы шептали цифру за цифрой. Ещё день назад Маша даже не мечтала узнать, что с Долли и её семьей, а тут может, повезёт.

Гудки. Гудки! Маше хотелось кричать от счастья, но вместо того она задержала дыхание, скрестив на удачу пальцы.

Третий гудок, четвертый.

Пятый.

Неужели...

— Да?

Там взяли трубку. Взяли трубку!

— Алло! Алло! Это Вероника Ивановна?

— Да. А кто говорит? — удивленно спросила женщина.

— Это Маша! Маша! Скажите, Долли не у вас? Вы знаете, где она?

— Долли?

— Ну да! Я её подруга, ищу её. Я не знаю, где она...

— Она тут, у меня. Позвать к телефону?

Машка сглотнула, потому что не смогла вдруг говорить. Вот уж точно язык отнялся.

— Так что, звать? Долли, тебя это. Подружка твоя.

— Кто? — послышался голос на заднем фоне. Знакомый и такой... испуганный?

— Подруга твоя, говорит. Маша.

— Маша? — трубка перешла из рук в руки. — Маша? — с сомнением переспросили.

— Да, да! Это я, Долька! Я! Как же я рада тебя слышать, ты не представляешь! Как ты?

Я так переживала, не знала, что с вами и где вы! Не знала, куда вас отправили, никто же ничего не говорит, молчат, как рыбы. Я сама не знаю, что со мной, а ещё про вас не знаю...

Очень страшно было. Как вы?

Долли всхлипнула и у Маши похолодела спина. Она же у тётки, отчего плакать?

— Что? Что случилось?

— Ты еще спрашиваешь? Тут ужасно!

— Почему? Что случилось?

— А ты как думаешь? Я убежала к тётке, куда было идти еще? И сына забрала, конечно.

А Толик... Он сбежал куда-то в другое место. Не знаю, куда.

— Как сбежал?

— Вот так! А я тут... мне пришлось искать покровительство. Чтобы не выдали, если за ту... за неё мстить будут. Тут главный по городу — мужчина. А я... как ты думаешь, что я могу предложить за защиту? Что от меня хотят получить?

Что хотели получить все до единого мужчины от красавицы Долли, которая целиком и полностью соответствует своему имени — фарфоровая куколка — блондинка?

— Погоди... Но зачем сразу покровительство. От кого? Тут же нет наших.

— Нет? Да что ты знаешь? Нет?! Да тут, между прочим, Высшие! Целая кодла, которая умотала из столицы, когда Шуваль рассорился с каким-то... с кем-то.

— Шуваль? Кто это?

Снова всхлип.

— Хозяин этого города. Я у него попросила покровительство и теперь уже не знаю, как отмазываться. То сын приболел, то пока не могу, не отошла от прошлых событий. Ты даже

не представляешь, Маша... Сидишь там в своей деревне в тишине и покое, пока я мечусь между двух огней, пока я тут...

Она тихо зарыдала.

Машка закрыла глаза и прислонилась лбом к мокрой боковине телефонного навеса. Пластик гудел, как будто внутри жужжали пчёлы.

— Что я могу сделать?

— Ты приедешь?

— Долли... я тут проездом, еду к родственникам в деревню. У меня денег только на билет в одну сторону.

Долли снова всхлипнула.

— Ну да, конечно. Ни слуху ни духу от неё, только появилась и снова...

Она взяла и зарыдала в трубку навзрыд. У Маши язык отнялся. Подруга, конечно, часто преувеличивала постигшие её несчастья, но слез от неё прежде было не дожидаться. Она просто в отчаянии.

— Долли, ну что ты... Я бы приехала, если бы смогла. И связалась бы раньше, если бы могла. Я же не знала, где ты!

— А куда я ещё денусь по-твоему? Кроме тётки никто не захотел меня приютить, у меня же не столько родственников, как у некоторых!

— Ты несправедлива. Если бы могла, я бы приехала раньше. Но я не завишу от себя, ты же понимаешь. Каждая из нас теперь зависит от родственников и их доброй воли. У тебя, может, не самый худший случай.

— Не начинай нотации читать! — Подруга хлюпнула носом, но рыдать перестала. — Когда у тебя рейс?

— Рано утром, в шесть двадцать. На вечерний я уже опоздала.

В трубке запищало, значит, время заканчивается. Машка бросила последние две десятки.

— Долли, слушай, время заканчивается, и денег у меня больше нет. Я...

— Вокзальная, дом семь, квартира двадцать девять. Слышишь? Запомнила?

— Да. Вокзальная, семь-двадцать девять. Я приду, а дальше поеду утром. Да? У тебя можно будет переночевать?

— Приходи! Мне страшно, Маша. Каждый день здесь страшно. Он же не отстанет, не забудет. Про него знаешь как говорят? Он и копейки не забывает, ни малейшей услуги. Его за нос не поводишь. Должен — плати. Пообещал — исполняй, хоть из кожи вон лезь. А я одна... — снова всхлип. — И еще Гошку нужно кормить. Тётя помогает, спасибо ей, последнее отдаёт. Но от Высшего она не защитит.

Маша сильней прижалась к мокрому пластику, так, что волосы на виске намокли и прилипли к коже, а щеке стало больно, и прошептала:

— Я знаю.

— Никогда не думала, что буду прозябать в однушке без мужа и жить на подачки тёти! Отбирать у пенсионерки последние деньги!

— Я знаю, Долли.

— Откуда?! Тебе не нужно заботиться о сыне!

— Я тоже теперь бедная родственница, которой хлеба жалко.

— Если подумать, — шваркнула носом Долли, — ты знала на что шла. Не то что я.

— Да.

Слова обвинения были правдой. Это Маша виновата, что теперь они никто и нигде. Что Долька с сыном ютится у престарелой тётки, а она сама не найдёт приюта, как уличная драная кошка. Бросают, как мячик от одного родственника к другому и проигрывает тот, кто отказаться не смог.

— Приходи. Не могу больше говорить так — издалека.

В трубке раздались гудки. Маша аккуратно повесила её и повернулась к площади. Косой дождь не мешал подросткам кучковаться на лавочках и у памятника, где их закрывали кроны деревьев. Они были веселы и беззаботны. Как Маша всего два месяца назад. Всего два месяца! А сейчас она уже казалась себе взрослой и не способной наслаждаться такой ерундой, как ночное пьяное шатание под дождем.

Однако — вот ирония — шататься под дождем придётся хотя бы по причине того, что иначе до Долли не доберёшься. Денег нет не то что на такси, а и на автобус.

Запахнув ветровку, Маша, стараясь не вжимать голову в плечи, как трусливый заяц, шла вперёд. Вокзальная, это у вокзала? Возле автовокзала такой улицы нет, те места Маша хорошо знала, значит, возле железнодорожного. А туда далековато, пехом-то. Но какой выход? Переночевать на вокзале, до которого, кстати, теперь не меньше идти, чем до подруги, и уехать с утра, не повидав Дольку? Невозможно.

Живот только поджимается от голода. Мать волшба, думала Маша, надеюсь Долька хотя бы чаем напоит. С сухариками. В идеале — с бутербродом. Рассчитывать на суши или пиццу давно не приходилось.

Чем дальше от площади, тем темней становилось на улицах. Фонарей практически не было, машины тоже не ездили. Пару раз Маша пересекалась с другими людьми, но слышала их приближение заранее и обходила стороной.

Дорога до нужного дома на Вокзальной заняла ровно сорок восемь минут. Маша так замерзла, что еще немного и простуда обеспечена. Намокшие волосы противно липли к лицу. Единственный плюс — большие вывески на домах, искать улицу не пришлось.

Дверь в подъезд отсутствовала, а сам дом сто лет как не ремонтировали. Жидкий свет лампы осветил обшарпанные ступени и гнутые перила. Все стены оплёванные и облезлые. Двери тоже столетней давности, из потёртого дерматина. И все такое крошечное, почти игрушечное — так строили раньше, когда главное было расселить всех, пусть и в каморки. В лифт Маша зайти не рискнула, пол там, казалось, держится на соплях, и хотя ноги отваливались, поднялась на шестой этаж пешком.

Нужная дверь от прочих ничем не отличалась, такая же обтрепанная. Звонок не работал, Маша тихонько постучала, в ответ в квартире закричал ребёнок. Дверь сразу же открылась.

Долли пережитые испытания не изменили. Она хмурилась и кусала губы, но была как и прежде — куколка. Чистейшая кожа, огромные глаза, белые волосы крупными локонами, точеная фигурка, на которую даже роды не повлияли. Голубые глазища были полны слезами.

— Маша!

Подруга повисла на шее. В другое время Машу это бы не смутило, но сейчас её качнуло от усталости.

— Ты чего с ног валишься?

— Ничего. Голодная просто. Устала.

— Я тогда сейчас что-нибудь придумаю, — после заминки ответила Долька.

— Спасибо.

Раньше гордость бы не позволила соглашаться, а сейчас верховодил пустой желудок.

— Пошли на кухню.

Из тёмной комнаты выглянула тощая женщина с младенцем на руках. Гошку Маша хотела бы обнять и потискать, но пусть лучше спит — наверняка он её совсем не помнит.

— Здравствуйте, — прошептала Маша Долькиной тетки, та кивнула и пошла укладывать мальчишку.

На крошечной кухне Долли выдвинула из-под стола древнюю табуретку. Маше пришлось подождать, пока подруга протиснется к плите, и только потом сесть.

Долька сноровисто захлопотала, наливая чай. В руках воздушной феи возникала то старая чашка, то батон, который она кромсала огромным ножом. Маша сглотнула слюну при виде банки варенья, которое подруга поставила перед ней на стол.

— На, пей.

Маша не заставила себя ждать, чуть не застонала от наслаждения, вонзая зубы в батон. Знать бы пару месяцев назад, что станешь боготворить вкус простого хлеба. Ан нет, прежде она уважала только французские круасаны да слабосоленую семгу.

— Пока тебя не было, кое-что произошло.

Даже жевать перехотелось — голос замогильный, веет вечной мерзлотой.

— Что?

— Приходит посыльный от Шувая! Сегодня я должна прибыть в ночной клуб, где тусуются местные маги.

Маша с трудом дожевала.

— Извини, Долли, но я не понимаю.

— Он сказал, что устал ждать! Или я стану ласковой, или могу убраться из города вместе с ребёнком!

Теперь вместо слёз на лице подруги светилась ярость. Недолго, правда, всего пару секунд — и пушистые ресницы снова хлопают от влаги.

— Долли, мне очень жаль. Но что я могу сделать? — Шептала Маша.

— Ты пойдешь со мной.

— Куда? — Маша не сразу поняла. — В клуб? Но у меня денег ни копейки и утром рейс. Про одежду, — она демонстративно провела руками перед своими старыми джинсами и мешковатой толстовкой с чужого плеча. — Про одежду вообще молчу.

— У меня полно платьев, привезла с собой, а насчет денег — не волнуйся, Шуваль открыл на меня в баре счёт, я же теперь нуждающаяся. — Скривилась Долли. Даже кривляние у неё вышло милым. — Там можно даже поесть, если наглости хватит. Давай, допивай чай, я платье поищу — и выезжаем. Такси, — она глянула на часы. — Приедет через часик.

— Такси?

— Меня отвезут. А привезут обратно тоже, конечно, но только когда Шуваль разрешит. Судя по слухам, отпустит он меня нескоро. Если повезёт. А он меня долго ждет, Машенька, так что дальше везти мне не может.

— Мне так жаль.

— Мне твоя жалость как мертвой припарки! Пойдешь со мной, сказала!

Злой голос Дольки ей не шел, стирал милоту. Как будто ёжик зарычал тигром.

— Долли... но чем это поможет?

— Ты же не бросишь меня одну?

Маша опустила глаза, потому что ненавидела чувствовать себя беспомощной.

— Я не смогу тебе помочь. Если бы еще обычный маг, но Высший...

— Просто побудь рядом.

Ответ, конечно, мог быть только один. Бросить подругу в такой момент она не могла.

— Ладно, Долли, я поеду с тобой и поддержу, чем смогу.

— Хорошо.

Когда такси заверещало под окнами, обе были уже готовы. Долли надела простое черное платье, приталенное, расклешенное, с длинными рукавами, и как обычно этой простоты хватило, чтобы выглядеть богиней. И вьющиеся волосы позволили не заморачиваться с прической, она просто подняла их вверх и сколола заколкой. Маша по понятным причинам тоже не стала ничего городить, собрала пучок на затылке и обошлась без косметики. Платье ей досталось шоколадное, но тоже простое — разве что белоснежный бант-шнурок, обманки-воротничок и манжеты. Этакая пай-девочка, правда, лицо уставшее, изнеможенное. Маша сравнила Долли с собой — голубые глазищи против обычных серых, мягкие божественные губки против обычных человеческих, вздернутый носик против прямого, острые скулы против смазанных. В прежние времена сборы в клуб занимали часы, если не дни — нужно же правильно выбрать образ, который включает платье, туфли, макияж и даже подходящие духи, сейчас даже крутое платье выглядело как-то нелепо. Зачем оно?

Долли ушла в комнату, поцеловала сына, прошептала что-то тётке и вышла, скомандовав:

— За мной.

Выглядела Долька очень воинственно. Впрочем, стоило подъехать к клубу, как вся воинственность сдулась и прежняя Долли — капризная, но осторожная, почти спряталась Маше за спину.

Пришлось идти первой. И сразу на входе Маша столкнулась с магом. Если присутствие Долли было привычным, близость незнакомого мага холодила, как будто на кожу дуло из кондиционера.

Маг прошел мимо, не обращая на них внимания. Долли обижено шваркнула носом. Ребёнок, да и только. Жаль только мужчинам безразлично, кто перед ними. По закону совершеннолетняя, значит, для секса сгодится. Особенно когда речь о Высших, вот уж кто и несовершеннолетней бы не побрезговал, попадись ему в трудном положении, как Долька.

Маша почувствовала злость. Лучше бы они родились обычными людьми, тех защищают человеческие законы. Осечки тоже бывают, но по мелочам, а в общем итоге защиты больше.

А вот в магическом сообществе законов нет, слабые подчиняются сильным, младшие всегда зависят от старших, поэтому даже совершеннолетние по человеческим законам Долли, которая сама уже мать, и Маша будут находится под покровительством семей до тех пор, пока не войдут в другую семью. И если покровительствующая семья слабая, как у Долли — одна тётка с небольшим даром, то и защитить её некому. У Маши дела еще хуже, родственникам на неё вообще плевать, но об этом мало кто в курсе, это раз, да и на неё не такой спрос, как на красавицу-подругу, это два. В общем, чем слабей твоя семья, тем менее ты защищен от нападков сильных магов, и таков главный магический закон. А Высшим и этот закон не писан! Поговаривают, они другая раса. Высшие и выглядят иначе — высокие, худые, почти тощие, но очень сильные. Кожа всегда бледная и на солнце не загорает, Высшие вообще не любят солнца. Радужки глаз практически полностью заполнены зрачком, который, в отличие от людского, не меняет размера в зависимости от освещения. Он всегда

огромный, и белым днем взгляд высших традиционно пугает. Их слюне, крови и прочему приписывают разные чудодейственные свойства. Некоторые повернутые маги даже устраивают охоту за жидкостями высших. Их зубы острее и могут перекусить кость. Магические способности высших в разы сильнее способностей обычных магов и ведут они себя соответственно — как короли.

А самое большое отличие — все они мужчины. Детей им рожают обычные магички и среди младенцев никогда не бывает девочек.

Так что если высший положил на Дольку глаз, выхода у той нет. Мать волшба, как непривычно быть такой беззащитной, — думала Маша, пока они пересекали полный людьми зал по пути к столику, на которой светилась магическая свеча цвета ауры Долли — золотая.

Они ведь выросли совсем в других условиях — их семьи были очень сильными, детям ни в чем ни отказу, ни ограничений, и обижать их никто не смел. Их клан смог бы отбиться и от Высшего. Но однажды Маша поступила по совести — и теперь они все в изгнании. И еще непонятно, лучше сидеть за сараем в деревне у троюродных дядюшек или обладать внешностью Долли и засветиться перед высокомерным Высшим.

Долька села на стул, обращенный к сцене, Маше пришлось передвигать другой, чтобы сесть рядом.

— Добрый вечер. — Рядом моментально образовался официант. — Чего желаете выпить?

— Воды, — коротко бросила Маша. Официант был обычным человеком, но выдрессированным, маги поработали.

— Самого дорогого шампанского, чёрной икры и два блюда от шеф-повара, — мертвецки стальным голосом приказала Долли.

Официант ушел и Маша сглотнула.

— Зачем?

— А чего мне терять? Хоть пожру перед тем, как меня изнасилуют.

Голубые глаза так дрожали, что у Маши сердце чуть не остановилось. Но её проклятье — острый ум тем временем обрабатывал информацию со стороны.

— Встреться с ним и во всём признайся. Скажи, что не подумала и не хочешь близких отношений. Пусть даст тебе отработать защиту другим способом.

— Ага! С разбегу он согласится.

— Но попробовать-то можно?

— Не надо, Машка! Как будто я не знаю, что ему только одно от меня нужно!

— То есть не хочешь попробовать поговорить?

— Бесполезно.

Машка подумала ещё.

— Тогда... Это не смертельно, — наконец, решилась сказать она.

— Что?!

— Долли, пойми меня правильно, я не говорю, что это не противно. Но это просто... просто если не сопротивляться, ты ему сразу надоешь и он тебя оставит в покое. Вспомни, сколько вокруг Высших вьётся идиоток, которые только и хотят, что обмазаться с ног до головы его слюной. Каждая изъясняет столько энтузиазма, что тебе и не снилось. Он быстро найдет тебе замену, просто, как ты говоришь, у него принцип — ничего бесплатно. У главарей часто такой принцип, чтобы не прослыть слабыми. Может, он вскоре вернется к своим нимфоманкам?

— Что-то я тебя не понимаю.

У Дольки стал такой голос, будто Маша превратилась в её личного врага.

— Просто я хочу сказать, что если бы мне пришлось так заплатить за спокойную жизнь сына, я бы это сделала. Тем более ты сама попросила его покровительства. Зачем сразу покровительства? Может, поспешила? Может, он и так бы не прогнал?

— Да?! Когда это хоть один мужчина мимо меня прошел и лапы ко мне не протянул?

— Наверное, ты права. Но правила просты — если ты просишь защиту, ты должна за неё заплатить. А ты просила! И сама предложила себя в ответ. Ты же понимаешь, если он не возьмёт эту плату, каждый маг в округе будет думать, что его можно вокруг пальца обвести, пообещать и не выполнить. Не говори, что ты этого не знала! Так что... это... просто секс, ничего больше. Не такая уж и трагедия, когда на кону судьба сына.

— Да? Не такая уж? Может вместо меня расплатишься?! — зашипела Долли.

— Если бы был шанс оплатить твой долг так... я бы это сделала! Но ты сама понимаешь, на подобную замену никто не согласится, особенно Высший!

Маша ни словом не соврала. Она действительно пошла бы с этим Высшим, перетерпела бы, если бы взамен он не тронул подругу. Наверное, она проще относилась к сексу — это просто довольно бессмысленные телодвижения, которые рано или поздно заканчиваются.

— После Толи я не могу ни с кем. — Через время призналась Долли. — Мне противно. Неужели тебе нет?

— Противно, конечно, но по большому счету, всё равно. Особенно если глаза закрыть и подумать о чём-нибудь другом.

Долли смерила её изучающим взглядом.

— О чём-нибудь другом? Архип был не на высоте?

Маша неловко пожалала плечами. Они с Архипом встречались два года и расстались после той истории, которая привела обеих сюда, но говорить о нём плохо не хотелось.

— Судя по твоим словам, — не унималась Долли, — ты понятия не имеешь, что такое классный секс.

— Мне жаль.

Маше стал неприятен этот разговор. Долли можно понять — это не Машу сегодня ночью, буквально через несколько часов ждет Высший, которому безразлично, кого использовать. Не её принудят к близости просто потому, что защиты нет.

— Кажется, я сойду с ума. — Долли задрожала. Обхватила голые плечи руками. — Помоги мне, Машка.

— Как?

— Ты знаешь, как!

Маша опустила голову.

— Нам нельзя использовать магические способности до конца срока. Если поймают, тюрьма.

Долька сглотнула.

— Да. Прости, что попросила, это от трусости. Конечно, я не хочу, чтобы тебя посадили. Прости меня. Просто я жуткая трусиха, ты же знаешь.

— Если бы я могла хоть что-то...

— Побудь просто со мной, пока можно.

— Я здесь, Долли.

Машка протянула руку, пожав руку Долли. Единственное, что могла сделать в такой

ситуации. Альтернатива — только найти Шувалю и предложить себя, но обмен слишком неравноценный, ни один нормальный мужчина не согласится.

— Вон он.

Доллин шепот прошёлся наждаком по коже, которая тут же заныла. Маша повернулась, вглядываясь в полумрак — там, у входа, стояло трое мужчин. Высшие. Высокие, как жерди, обманчиво расслабленные, ленивые. Кто главный, даже можно не думать — двое других чуть склоняют перед ним головы, у Высших, как у животных, прямой взгляд в глаза является вызовом помериться силой.

Мужчины неторопливо шли по залу в сторону главного стола, отгороженного от общего зала ширмами. Высшие не любят лишних глаз.

Шуваль оказался немного младше, чем она думала. Держать город, пусть и не самый большой мог только Высший с большим магическим даром или опытный Высший. Опыт приходит с возрастом, значит, у этого дар. А характер тоже не сахар — необычно тяжелый даже для высшего подбородок, выступающие надбровные дуги, которые делают лицо угрожающим. Он одним своим видом запугает Дольку до истерики.

И точно, подруга не сдержалась, отвернулась и стала всхлипывать. Представила, видимо, это лицо над своим. Машка тоже попыталась представить, но ничего не вышло. Вернее, ну лицо и лицо, отвращения и страха нет, как и интереса. Просто лицо.

В их сторону Высшие не посмотрели, у столика их ждало несколько девушек, которые пытались с Высшими заговорить. Особенно выделялась тощая высокая брюнетка в красном платье, магиня, как и они с Долькой. Только эта магиня хотела Высшего, она улыбалась ему и что-то говорила, а Высший кривился, но слушал.

— Может, сегодня он найдет тебе замену. Вон сколько желающих.

Лучше бы Машка этого не говорили. Долли тут же воспряла духом.

— Правда?

— Будем надеяться. Видишь красное платье?

— Да. Может, пронесет.

Шуваль тем временем повернул голову к залу, осматривая цепким взглядом лица, фиксируя, кто где сидит и что делает. Взгляд и до них дошёл, Маша, хотя раньше и хорохорилась, что не испытывает перед Высшим страха, вдруг инстинктивно отодвинулась в тень и опустила голову.

Долли рядом уже снова всхлипывала.

— Он на меня посмотрел, — заявила она.

— И на меня. Он на всех посмотрел.

Тут появился официант, который ловко расставил заказ и откупорил шампанское. Разлил по бокалам.

Только он убрался, как к столику подошел другой человек, в костюме.

— Добрый вечер. — Он склонил голову. — Хозяин города Шуваль напоминает Долли, что будет ждать её в своих апартаментах сразу после полуночи. Вы задолжали хозяину, и он желает вернуть долг.

Маша сглотнула. Не вышло с красным платьем. Покосилась — девушки продолжали кучковаться вокруг скрытого ширмами стола Высших, а их самих уже не было видно.

— Я поняла, — дрожащим голосом ответила Долли. Её лицо помертвело.

— В качестве подарка Вам хозяин запустит через полчаса «Многоцвет». Наслаждайтесь отдыхом.

Он снова поклонился и ушел.

Машке кусок в горло не лез.

— Многоцвет? — с трудом переспросила она.

Танец в аурах с названием «многоцвет» был, пожалуй, лучшим развлечением, существующим у магов.

— Он запустит многоцвет для тебя? — воодушевилась Маша. Может, всё не так плохо? Высший запустит магический танец для Долли, может, он относиться к ней не так жёстко, как складывается впечатление со стороны?

Долли хмыкнула:

— Сегодня много приезжих. Он всегда запускает многоцвет в день, когда много гостей. Просто свистит, что для меня, типа двух зайцев одним выстрелом.

И все же... многоцвет. Маша от одной мысли растекалась по полу.

— Я уже и не помню, когда в последний раз его танцевала.

— Ешь. Через полчаса пойдем и станцуем.

Долли вдруг успокоилась, как будто смирилась со своей участью. Машка послушно пододвинула тарелку. Есть хотелось несмотря ни на что. Как бы ни было жаль подругу, хотелось есть. Особенно когда в тарелке что-то рыбное с кусочками мяса крабов.

— Ты уверена, что пойдем?

— Да.

Долька молча жевала и налегала на шампанское. Оно и понятно — пьяной море по колено.

Маша тоже ела, пытаясь усмирить свою совесть. Три месяца назад, когда всё было прекрасно, она случайно нашла в подвале дома главы их семей женщину, которую глава содержал в магическом и сексуальном рабстве. Подневольная магичка была сиротой, защитить её было некому, вот дядька Володя и воспользовался. Машка долго думала, что делать, но всё-таки решила поступить по совести и донесла на него магическим кондорам — сообществу, которое выполняло в магическом мире функции полиции, суда и исполнителей наказания.

Конечно, она думала о последствиях, она же не дура. Просто не представляла, что всё станет плохо настолько. Дядьку арестовали. Семья распалась и все, кто жил у них на правах коллег и дальних родственников разъехались, вернее, разбежались, бросив дома и имущество. Родители Машки увезли двух младших детей, взрослую оставив саму разбираться с последствиями её решения. Иногда Машка даже думала — может, все взрослые в семье знали о существовании этой несчастной? Просто им было удобно молчать? Мало того, что сексуальная игрушка, которая не сможет отказать, что бы ты ни захотел сделать, так еще и магию можно высасывать бесплатно, каждый глоток которой словно освещающий тоник.

Может, они даже пользовались ей... совместно?

От этой мысли тошнило. Машка испытывала раскаяние, когда видела Долли, попавшую в такую щекотливую ситуацию, когда узнавала, как тонут осколки когда-то крепких семей их клана... но не жалела. Она не могла оставить ту женщину в подвале, в скотском состоянии только для того, чтобы сохранить уровень своей жизни.

Ни жалела ни тогда, ни сейчас.

Она готова была отвечать за свои решения, свои поступки. Просто если бы смогла, если бы знала заранее, вывела бы из-под удара Долли и остальных друзей.

От мысли, что ничего не исправишь хотелось напиться вдрызг. Но как? Долька пьянеет

на глазах, нужно присмотреть.

А потом объявили «многоцвет» и мозги отключились, как всегда в этом танце.

Музыка, в общем-то включалась любая, главное, чтобы медленная, основным в танце был магический дар подсветки аур. У каждого мага своя аура. У людей они тоже есть, только не светятся, а у магов при особом магическом воздействии ауры загораются и сверкают, как алмазы. Или рубины, или сапфиры, смотря какой у кого цвет. У Долли даже аура была — глаз не отвести — насыщенный золотой, драгоценный. У Машки цвет был бледно-жёлтым, неинтересным. Как и она сама. Но в танце любой цвет переливался, как хрустальный храм, и их объединение с переливом окружающих магов было самым красивым зрелищем, которое только бывает на белом свете.

Тем более и магическая энергия во время танца каким-то образом смешивалась, наполняя всех участвующих новыми силами.

В общем, Многоцвет считался древним ритуалом, который людским магам подарили Высшие, так что пропустить его было невозможно. Да и Шуваль если увидит, будут проблемы — отказаться от такого предложения так же невозможно, как отказаться платить долги.

Машка пошла под руку с Долли и, ступив на огражденный красным фонарем круг, выпрямилась струной, широко открывая глаза. Многоцветие захватывало с первого шага, голова становилась легкой и пустой, в глазах сиял цветной калейдоскоп узоров.

Минуты танца растягивались, превращаясь в часы. Машка чувствовала как её колышет в танце, как лепесток, подхваченный течением, и болтает вместе с остальными танцующими. Золотое свечение Долли кружилось неподалеку, то и дело перекрываемое синим, зеленым или белоснежным. Когда в танец втекла темно-фиолетовая аура, Машка поняла — это высшие подтянулись. Она всегда у них тёмная: бордовая, пурпурная, чернильная. И матовая, не сверкает, а словно сгусток тумана. Вот и сейчас — три ауры Высших, одна из них совершенно чёрная, Маша раньше такого не видела. Ауры остальных на их фоне искрились ещё ярче, словно мини-фейерверк. Машка потрясла головой, потому что эти ауры мешали танцевать, сбивали с толку, и она невольно приходила в себя.

Потом вдруг черная аура метнулась в самую середину танца, взвилась вихрем. Машка услышала женские восхищенные вскрики. Это тоже насторожило. Казалось, высший не танцует, а прочесывает многоцветие в поисках чего-то конкретного. На фоне чёрного то и дело вспыхивали алые искры, зелёные, синие, оранжевые. Ни один цвет не повторялся. Машка окончательно выпала из ритма и почему-то испугалась. Она попятилась и неожиданно вышла из круга.

Со стороны танец тоже был красивым, но восторга Машка уже не испытывала. Она захотела пить и ушла к столику, всё равно сейчас танец закончится. Глянула на часы — без семи полночь. У Дольки осталось семь минут.

Танец закончился резко, просто краски погасли, музыка смолкла и раздались разочарованные крики.

Машка краем глаза видела Высших, снующих в плотной толпе. Похоже, они очень встревожены. Почему, интересно? Она наклонилась, чтобы случайно не попасться им на глаза. Не хватало еще неприятностей огрести, мало ей, что ли, своих?

— Вот ты где.

Долли села на соседний стул. Вокруг люди рассаживались по местам, так что Машка распрямилась, почувствовав себя в толпе спокойно.

Люди недоумевали, со всех сторон несло:

— Вы видели?.. Он как цунами, всё по пути снёс... Да, когда хозяин города в таком настроении... лучше ему на глаза не попадаться. Что, интересно, случилось?

Машка непонимающе оглядывалась. Что происходит? Высшие скрылись где-то в подсобных помещениях, по залу сновали испуганные официанты.

Прошла буквально пара минут, вернули музыку. Потом минуты затикали, перевалило за полночь, по залу перестал бегать обслуживающий персонал, и всё вроде бы утихло.

— Долли. — Рядом возник прежний мужчина в костюме, только теперь он был почти неприлично взволнован. — Прошу немедленно пройти со мной. Хозяин нуждается в вашем обществе.

Машку всегда бесил этот официоз. Маги заставляли всех вокруг расшаркиваться и вежливо беседовать, а на изнанке всего этого оставалась власть силы.

Долли молча закрыла лицо руками. Хмель во время танца выветрился, а снова напиваться было поздно.

— Хозяин настаивает на немедленной встрече, — повысил голос мужчина.

— Она идет, — неожиданно влезла Маша. — Только минутку попудрить носик в уборную заглянет.

Мужчина метался, не зная, что ответить. Не пустить в уборную нельзя, и ждать нельзя.

— Пожалуйста, быстрее, — почти умоляюще прошептал он. — Лучше не злить его, когда он недоволен.

Машка подняла молчащую Долли и потащила в туалет. Там отняла от её лица руки.

На языке кружились одни матерные выражения. Недоволен он, надо же! Пусть в задний проход себе засунет своё недовольство!

Она открыла холодную воду и стала вытирать подружке щёки. Та словно кукла мертвая стояла и выражение на лице было таким же, как у той женщины из подвала. Обречённым. Ужасным. Для неё всё было слишком серьёзным. Не все же бесчувственные, как Машка.

— Слушай меня, Долли, — наклонившись, прошептала ей на ухо Машка. — Спокойно иди, куда покажут. Ничего не бойся. Этот Высший тебя не тронет, обещаю.

Впервые после танца на лицо Долли вернулись краски.

— Машка, что ты... Ты же не...

Машка прижала к её щеке руку.

— Ни о чём не думай. Иди и ничего не бойся. И... прощай, Долли, береги себя и сына. Если ничего не изменится, уезжай отсюда и проси убежища у моих родственников. Я скажу, ты моя внебрачная сестра, они поверят. Они примут за тебя ответственность или будут иметь дело со мной.

— Но ты... твои вещи у меня.

Машка дёрнула головой.

— Старьё никому не нужно, выбрось. Отсюда я уйду пешком, утром уеду. Никто ничего не узнает. Если смогу, на днях позвоню. У вас с Гошкой всё будет хорошо, слышишь?

Долька бездумно замотала головой, Машка сжала её щеки крепче, пристально смотря в глаза.

— У вас всё будет хорошо, слышала?

В этот раз Долли послушно кивнула.

— Всё. — Машка отпустила её. — Теперь иди.

Подруга всхлипнула, как ребёнок.

— Спасибо, Машенька.

— Иди.

В последний раз взглянув, Долли поправила платье, причёску и вышла. Машка подождала десять секунд, каждую из которых бешеным стуком отмеряло сердце, и вышла следом. Долли вели не к выходу, расчёт верен. Мужчина держал её за локоть, будто боялся, что Долли сбежит и объясняться с разгневанным Высшим придётся ему.

Маша порадовалась, что не пила, и заскользила следом. В коридоре никого не было, отследить путь мужчины и Долли удалось легко. Сразу за вторым поворотом мужчина постучал в узкую железную дверь и крикнул:

— Хозяин! Гостья пришла.

Дверь тут же распахнулась. Высший был страшен, его глаза горели, губы кривились, как будто он только что рычал. Его темно-серая рубашка была расстегнута на груди. Машка, прижимаясь к стене, выглядывала в полумраке, чтобы найти нужную точку. Его грудь была голой, светлая кожа и глаза, которые на белом лице казались чёрными дырами, могли довести до заикания. Долька едва доставала ему до плеча. А его плечи по ширине с трудом проходили в дверной проём.

— Заходи.

Машка проследила за его рукой, которую тот сжал в кулак. У Высшего был странный вид, но может, так он выглядит, когда возбуждён? Хотя его вид выражал, скорее, нетерпение, как будто его оторвали от чего-то важного. Но Машка в этих делах не специалист. Неважно, рисковать нельзя. Долька вздрогнула, но не оглянулась, молча протиснулась мимо. Белое лицо на секунду скривилось, как от боли, потом Высший отпрянул и с грохотом захлопнул дверь. Охранник с облегчением выдохнул и ушёл.

Времени мало. Машка закрыла глаза и быстро, жёстко проговорила слова заговора. Ни тени жалости или сомнения, или не получится.

О, у неё получится, ещё как! И срок — неделя. Неделя! И это ещё мало для такой скотины. Машка их, Высших, просто ненавидела сейчас, но холодной, рассудочной ненавистью, которая не мешала, а наоборот, помогала действовать чётко и точно.

Договорив последние слова, Машка распахнула глаза и сделала Знак. У каждого мага он свой. Теперь магия начала действовать.

Вряд ли кто среагирует быстро, но лучше этого момента не дожидаться. Маша спокойным шагом вернулась к столику за Долькиной сумочкой, где лежал номерок от гардероба. Её рюкзак висел на вешалке вместе с курткой. К счастью, привычка носить самое главное с собой не подвела и в этот раз, потерей станут только джинсы и толстовка, которым самое место на помойке.

Маша как раз вынимала номерок, когда появился официант со своей вышколенной улыбкой на лице.

— Вы уже уходите? Вам всё понравилось, госпожа?

— Всё понравилось, только жарко, я выйду подышать свежим воздухом и вернусь.

— Нужно ли вам что-нибудь ещё?

— Нет, спасибо, отдыхай.

Фу-х, отвязался. Можно двигать.

Стараясь идти неторопливо, Машка добралась до гардероба, забрала свои вещи и выскочила на улицу. Пока нельзя идти быстро, так что просто накинем курточку и станем делать вид, будто пьемся по сторонам. Долька сказала, сегодня много приезжих в клубе, в

лицо их никто не знает, можно не бояться.

А отойдя метров за двести, Машка нырнула в переулок, быстро оделась, застегнулась и повесила сумку через плечо. Накинула капюшон. Платье это плохо, конечно, но хоть каблук не шпильки. Ничего, не замёрзнет, зато эта высшая скотина не сможет почувствовать себя мужчиной целую неделю. В буквальном смысле слова.

Так, а время? Начало первого. До автобуса шесть часов!

Ладно, протянем. Хорошо, не зима, пришлось бы сидеть в подъезде.

Машка неторопливо шла по улице, радуясь, что фонарей почти нет, да и людей немного, большинство пьяные, от них она легко ускользала. А так как город знала хорошо, прошла дворами и через сорок минут уже была на площади Чайковского. Жаль, денег нет позвонить Дольке, узнать, как дела. Но в своем мастерстве Маша не сомневалась, так что подруге сегодня ничего не угрожает. Жестокая шутка, конечно, а заставлять женщин себя ублажать не жестоко?

Глаз за глаз, подставлять другую щеку, да ещё Долькину, Маша не собиралась. Пусть местные бабы поживут спокойно недельку.

Погони Машка не боялась, никто не знал, что произошло. Может, со временем разберутся, только попробуй тогда её найди.

На площади Маша нашла скамейку за памятником, там улеглась на влажные после дождя деревянные рейки. Местные компании уже разошлись, оставив после себя свалку. Свины. А потом их же родители по дороге на работу станут жаловаться друг другу, что живут в свинарнике. А где вам ещё положено жить? Раз сами свиньи и свиней воспитали?

Маша вздохнула. Её детство и юность были счастливыми и безоблачными, но после того переломного момента многие мысли стали до ужаса грубыми и циничными. Она менялась, похоже, не в лучшую сторону и ничего не могла с этим поделать. Да и нужно ли?

Ночевать на лавке, конечно, и врагу не пожелаешь. Рейки больно давили на ребра, влага намочила куртку на спине, чем дальше, тем становилось холодней, в общем, часа в четыре Машка не выдержала и отправилась на вокзал. Лучше там сидеть, хоть теплей.

Улицы были совершенно пустыми, ни одного прохожего. Заслышав приближающуюся машину, Машка спряталась. Мало ли. Вычислить её не могли, но осторожность никому ещё не мешала.

Промчавшаяся мимо машина была дорогой, с тонированными стёклами, что вообще-то ПДД запрещено. Вернее, запрещено всем, кроме магов. Машка нахмурилась. Нет, мерещитесь от страха. Ну и что, что слишком дорогая для такого города, дорогие машины тут тоже есть. И их хозяева могут себе позволить игнорировать запрет тонировки. И по ночам могут ездить.

Жаль, нельзя Дольке позвонить. Она наверняка уже дома, с сыном. Спит. Для неё всё закончилось хорошо. Высший не свяжет свою немощность с ней, а если повезет, не свяжет вообще с магией, постесняется. Мужики, они такие — если у тебя проблемы с этим делом, лучше смерть, чем в них кому-то признаться.

Из-за угла показался автовокзал. Пустые лавки под навесами, света немного, но тёмных уголков нет. Открывалось здание в пять тридцать, то есть через семь минут.

Машка на всякий случай ходила вокруг на отдалении. Опасалась, но ни машин, ни подозрительных людей не было. И всё равно она, хоть и устала, ходила вокруг, не приближаясь.

Появились редкие люди, здание автовокзала открыли. Минуты тикали. Скорее бы купить билет, залезть в салон и заснуть! Ехать примерно два с половиной часа, за это время

можно выспаться. И туфли снять, они жутко натёрли ноги.

Поглядывая на часы, Машка ходила кругами и ждала.

Потом стали отправляться первые рейсы. Она увидела автобус со своим номером, который заруливал на стоянку, и только тогда решительно направилась к зданию. Подошла к кассе, где уже стояла очередь. Никого подозрительного — пару мужичков с перегаром, пару толстых тёток с кошелками, старушка с высокомерным взглядом.

Маша купила билет. Вот и все, кошелёк пуст. На часах две минуты до посадки. Хоть бы рейс не задержали!

Автобус подошел вовремя. Со скрипом открыл проржавевшие двери. Запах в салоне был, как будто Машка вошла в подушку, которую последние пятьдесят лет не выбивали. Пыль была везде, воздух содержал больше пыли, чем кислорода, но Маша думала только о том, как бы сесть и заснуть.

Она выбрала место у окна, свободных было навалом, билеты купило человек семь. Закрывает глаза. Окна можно не бояться, сквозь него все как в тумане, настолько грязное стекло.

Боже, как хочется спать. Хочется спать, пока автобус едет, мягко покачиваясь и оставляет за спиной город со всем, что произошло ночью.

Две минут, одна...

Наконец, автобус тронулся, заскрипел как старик, развернулся и выехал на дорогу. В пыльном окне заскользили улицы.

Прощай, город! Тебя не видно сквозь мутное стекло, но твои улицы хранятся в моей светлой памяти.

Судя по звукам, рядом кто-то сел. Маша с трудом оторвалась от окна и повернулась.

— Привет. Куда-то собралась?

Кровь разом охладела. Маша обмякла в кресле, как кисель.

Это был он.

Кожаная куртка под горло, тёмные джинсы, небрежно растрёпанные волосы. Жуткие чёрные глаза, крутой излом на губах. От пристального взгляда хотелось спрятаться под сиденье.

Автобус катил себе по дороге.

— Язык отнялся?

Он развалился и закинул ногу на ногу, выставив на обзор грубый ботинок с толстыми шнурками. На пальце правой руки червлёный перстень, круг с каким-то магическим знаком.

Надо что-то ответить? Машка сглотнула. Или не надо?

— Говорить умеешь, спрашиваю?

Его тон стал просто ледяным. Дальше молчать нельзя.

— Да.

— Я спросил, куда-то собралась?

— Да.

— Зачем же так спешить? Разве тебе не нравится мой город?

— Нравится. Город очень красивый, но я тут проездом.

— Я настаиваю, — он щелчком сбросил со своего колена невидимую пылинку. — Останься еще ненадолго, ты не все видела.

— Не могу.

Кажется, он не разозлился.

— Не можешь? — Его брови слегка поднялись, всего на миллиметр, но закон магов уже гласил, что нужно склонить голову, иначе он рассердится.

Маша нехотя наклонила голову, также на миллиметр. Правда, непроизвольно прищурилась. Хватило хоть ума не спорить.

— Девочка-колокольчик.

Она наклонила голову ниже. Воркующие ноты в его голосе звучали как магическое заклинание, хотя таковыми не были.

— Ладно, — он несильно хлопнул ладонью по колену и щедро улыбнулся. — Дам тебе шанс реабилитироваться.

Маша сглотнула. Неужели получится спокойно уехать? Если ему правильно наврать...

— Что от меня нужно?

— Хочу слышать причины твоего поступка.

Надежда, что он не знает, растаяла. Знает. Но по какой-то причине разговаривает, а не вызывает на поединок, который закончится для неё весьма печально. Нужно пользоваться, но нельзя сдавать Долли. Нужно... нужно вызвать его отвращение, неприязнь, чтобы было противно находиться с ней рядом. Тогда Высший уберется, как от чего-то мерзкого, будет плеваться, но оставит в покое.

А что может его отвратить? Машка ничего о нём не знала, кроме вчерашнего короткого наблюдения. Эти девицы, которые на него вешались... ему это не нравилось. Он избавился от них и сам выбрал женщину на ночь.

Видимо, устал от женского навязчивого внимания. Поганец.

Машка растянула губы в подобие улыбки, ну, насколько смогла. Будем врать, что делать.

— Причины чего?

— Твоя подруга... Ты сделала это из-за подруги?

Дольку нужно спасать. Вдруг она решит остаться в городе? Если Высший решит, что они заодно, подруге жизни не даст.

Машка вспомнила Гошку. Мальчишке точно не нужно всей этой грязи.

— Подруга? — фыркнула она. — Какая она мне подруга? Просто знакомая.

— Как ты в клуб попала?

— Она пригласила. Хотела похвастаться.

— Чем?

Он спрашивал обрывисто, четко.

— Она сказала, что ей интересуются Высший, это такая честь, — Машка постаралась изо всех сил, чтобы не скривиться, — а мне ничего такого не светит, вот и решила ей подгадить.

— То есть ты ей завидуешь? — невольно удивился этот Высший.

— Да. Она красивая, на неё даже Высшие клюют, не то что я. У меня и парень-то только один был, да и на того без слёз не взглянешь.

Он откинулся чуть дальше, осматривая её с ног до головы.

— Поверить не могу.

Машка сжала губы, чтобы промолчать. Помни, что дуру играешь, иначе ответите обе. А так есть шанс, что Долли и сына не тронут. Да и чего врать — она же сама это сделала, Долька ныла, конечно, но попросить не рискнула, знала, что Маше грозит, его вмешательство вскрыется.

Он молчал довольно долго.

— То есть, — подвел итог. — Я тебе нравлюсь и ты хотела бы быть на её месте?

Маша открыла рот. Нужно сказать, что да. А еще лучше броситься на него и слюняво облобызать — то-то ему будет противно! Только как заставить себя это сделать?

— Хотела бы?

— Очень! — наконец, выдавила она. Звучало, мягко говоря, неправдоподобно. Машка постаралась добавить в голос жара. — Хочу тебя. Ну, или другого Высшего, вы все кайфовые.

И глазами луп-луп. Вылитая провинциальная идиотка, которая на любого обеспеченного мужичка клюет. Поверь же, поверь.

Высший сжал зубы.

— Я похож на дурачка?

Машка хлопала глазами, потому что не знала ответа.

Высший прищурился и спросил:

— И что мне с тобой сделать?

Вопрос был задан с поистине философским запалом.

— Мне нужно ехать дальше. Семья меня ждет.

Машка опустила глазки долу. Да, так хочется остаться, просто сил нет, но никак нельзя!

Он же не знает, что за семья, может, связываться себе дороже. А ей главное сейчас из города убраться.

Всё неплохо складывается. Он не так уж и зол, скорее, наоборот. Машка подняла глаза. Улыбка застыла на её губах. Высший смотрел с таким выражением, будто надивиться не мог её наглости.

— Ты поедешь со мной, пай-девочка. — Беспрекословно заявил Высший. Маша поняла, что он с самого начала не собирался её отпускать, просто развлекался.

— Я не могу.

Автобус не территория города, тут он не хозяин.

— Автобус тоже мой, как и вся транспортная система области. — С готовностью сообщил Шуваль и, наклонившись, стукнул в окно костяшками. Скрипя, автобус стал парковаться. Если пойти с ним, мне конец, билось в голове у Машки, и она думала, наверное, стоит закричать, может, кто-нибудь поможет, ну или просто создаст суету и получится улизнуть.

— Ты слишком беспокойная. — С насквозь фальшивой заботой заявил Высший, покачал головой и поцокал языком. — Давай, помогу.

Он быстрым, как змеиный бросок, движением прижал ладонь к голове Машки, и та отключилась.

Глаза открываться не желали. Память радостно подсунула последние события перед обмороком. Высший применил магию, не побоялся гнева её предполагаемых родственников. Он же не знал, что заступиться некому, значит, не боялся никого.

Машка перевернулась на спину и открыла глаза. Потолок. Она в помещении, значит, на улице не бросили. А лучше бы бросили.

Голова слегка гудела, в висках ныло, как бывает после магического вмешательства. Дела складываются не ахти, раз Высший запросто лезет в её голову.

Она подвинула ногу и замерла. Быстро села, поднимая простынь, которой была укрыта — всё в порядке, платье на месте, хотя пуговицы на воротах кто-то расстегнул. Винить за это она не будет, горловина была узкой и мешала бы во сне дышать.

Машка подняла глаза. Комната огромная, с серыми панелями на стенах и серебристыми

обоями, а у двери стоит Шуваль. Из-за звука хлопнувшей двери она и очнулась. Сложила руки на груди, как будто это сможет защитить.

Он, в отличие от некоторых, был одет в костюм с галстуком и белоснежную рубашку.

Вид как у банкира какого-нибудь. Неторопливо подойдя, он развернул круглое кресло от стола и уселся в него, опять закинув одну ногу на другую — блестящий ботинок устоялся острым носом в потолок. Одной рукой расстегнул пиджак, расслабил галстук и вальяжно откинулся на спинку. На запястье сверкали усыпанные бриллиантами часы.

Разница между вчерашним образом ночного беспредельщика и сегодняшним крайне успешным бизнесменом просто разительна!

Машка держала руки, словно щит, но поползновений на её честь никто, похоже, совершать не собирался.

Да и, напомнил злорадный голос в голове — как бы он смог покуситься? После вчерашнего-то? Она даже улыбнулась, правда, коротко.

Гость заговорил:

— Не спишь? А у меня тут один очень интересный документик завалялся.

Высший паясничал, ему было весело. Хочет, чтобы она спросила, какой. Машка не спросила, стала оглядывать комнату. Где её вещи? Ни куртки, что не жаль, ни сумки, что плачевно.

В комнате полно мебели... но нет шкафа, ни обычного, ни встроенного. Только комод с ящиками. Странно.

— Не хочешь послушать? А я прочитаю. — Шуваль выдернул из кармана какой-то листок, развернул его. — О, что тут у нас?

Маша прикусила губу. Притворяться нет смысла, он доказал, что плевать хотел на извинения. С самого начала он требовал объяснений только для смеха. Развлекается, подумаешь.

— И что у нас в этом документике за буковки? У, да тут слова, большая печать юриста да подписи... И о чем это всё?

Ей, конечно, было наплевать, но он же не просто так пришёл.

— Чего ты от меня хочешь? — просила Машка.

— О, перечислять слишком долго. — Он умильно улыбнулся.

— Ты собираешься мне мстить?

— Нет.

Она нахмурилась.

— Тогда что я здесь делаю?

— Ты тут потому, что я собираюсь тебя использовать.

Сердце испуганно застучало.

— Как использовать?

— О, в рамках морали, не переживай. Или, скорее, не надейся.

Неожиданно стало не по себе. Вроде полегчать должно, но кажется, задумал он нечто ещё более страшное.

Машку неожиданно передёрнуло.

Улыбка тут же пропала с его лица. Он поднял документ к глазам и стал зачитывать:

— Итак, текст. Тут черным по белому написано — семья отдает Машу Юркевич за оговоренную сумму в услужение Высшего, хозяина города Н, Шувая Ардизана на неоговоренный срок. Рассматривать срок можно не чаще, чем раз в три месяца. —

Словосочетание «раз в три месяца» он подчеркнул.

Внутренности словно вниз потянуло. Её отдали? Семья согласилась отдать её в услужение? Обычно это означало, что мага отдают в работники другому магу и тот должен исполнять все приказы беспрекословно. В разумных пределах, конечно, нарушать законы заставить хозяин не мог. Но всё равно это дно — ниже услужения маги не падают.

Насчёт договора же... Чего удивляться, она же обуза, а тут мало того, что избавились, так еще и денег заработали. Но как быстро сработано!

Какие же скоты!

Она попыталась успокоиться и взять себя в руки.

— Ладно. И что дальше?

Он отвел руку с письмом и стал давить взглядом, как у них среди Высших принято. Смотреть как на пустое место, отчего ты сразу должен понять, что ты никто.

От Шувая такого примитивного выражения власти Машка отчего-то не ожидала. Вздохнула и закатила глаза:

— Ладно, я поняла, что ты хочешь расплаты. Что я должна сделать, чтобы искупить свою ужасную, огромную, непростительную вину?

— А, ты о том, что я слегка... растерял свои мужские особенности? — Он отпустил бумагу и та спланировала на пол. — Сколько, кстати, это продлится?

Машка заставила себя не отводить глаз.

— Семь дней.

— То есть ещё шесть? — Он неожиданно усмехнулся. — Ну, не страшно. Я месяцами, бывает, лишаю себя женского общества. Оно мне приелось уже давно. Так что ты мне, скорее, услугу оказала.

Такой молодой и такой странный. Его лицо ходило волнами, как на ролике, где сменяются разные люди. Или как будто он не мог вспомнить, какой он на самом деле.

— Кстати, сам факт магического действия... от человека, которому запрещено практиковать... Разве другой на моём месте не посадил бы тебя в тюрьму? Не вызвал бы первым делом кондоров? А я всего-то взял тебя на работу. Видишь разницу?

— Как ты можешь не хотеть мстить за то, что я сделала? — с сомнением спросила она.

— Не зацкливайся на мелочах. — Отмахнулся Шуваль.

Машка вцепилась руками в собственные бока. Как это понимать? Неужели... неужели Долли ничего не грозило?

— Зачем ты тогда принуждал мою подругу к себе прийти?

— Я принуждал? — он вдруг удивился.

— Я собственными ушами слышала!

— Что слышала?

— Как твой человек велел ей немедленно идти в твою комнату! Ровно в полночь.

Шуваль молча хлопнул глазами.

— Ты что, ревнуешь? — спросил, наконец.

Машка вдруг разозлилась. Он как-то странно себя вёл. В какой-то момент он определился со своей личностью и теперь играл. То есть раньше она была уверена, что это беспринципный, циничный Высший, который ходит по трупам и неумолимо наказывает за всё, что посчитал достойным наказания, а сейчас в голову приходило другое — он играет в жизнь, как будто так она кажется не такой страшной. Поймать её, броситься в погоню, как в фильме каком-то, вместо того, чтобы натравить охранников или даже магических кондоров.

Закон ведь она нарушила? Устроить спектакль с договором, заключенным с её родными (кстати, как он так быстро его состряпал)? Во всём это было что-то нереальное.

— И я не понял, — он нахмурился. — Подруга она тебе или нет?

Машка не ответила. Диссонанс между происходящим и ожидаемым сбивал с толку. Она опустила голову и незаметно ущипнула себя за ногу.

Как это вышло? И вообще — как они её нашли?

Они не могли её найти. Не успели бы вычислить, хоть ты тресни!

— Как? Как вы успели на меня выйти? — не могла не спросить Маша. — Вы не успели бы меня вычислить и обнаружить! Как вы могли найти того, кто провёл какие-то магические действия в коридоре клуба, под завязку забитого магами? Как?

Он оценивающе наклонил голову, потом, улыбаясь, признался:

— Дело в том, что мы искали не того, кто навёл на меня порчу.

— А кого? — опешила Маша.

— Девушку с аурой. Редкой аурой прозрачного желтого цвета. Как видишь, тебе просто не повезло.

Маша открыла рот, но не смогла выдать ни слова. Они заранее её искали, еще до того, как она наложила проклятье, поэтому и нашли. Вычислили среди гостей. Всё сходится, это единственное разумное объяснение.

— Но зачем?

Он снова замолчал, будто не слышал. И, кажется, мысленно перенёсся в другое место.

Машка лихорадочно перебирала свои знания об аурах. Ходили слухи, что цвет на что-то влияет, но никто никогда не установил этого доказательно. Просто у всех разные цвета, и всё. Но если Высший искал определённую ауру...

— Ты знаешь что-то, чего не знают маги?! — невольно воскликнула Машка, подаваясь вперёд. — Цвет действительно что-то значит?

Он покачал головой, цокая языком.

— Нельзя быть такой умной, девочка-колокольчик. Это, пожалуй, твой самый главный недостаток. Тебе нужно больше притворяться дурушкой.

Что на это ответить?

— Да, кстати, пять минут на сборы, — он взглянул на часы. — А после работать, работать. Придешь в мой кабинет за инструкциями, он в конце коридора, направо, белая дверь.

— И что я должна делать?

— Всё, что я скажу. — Он встал и пошёл к двери. — Всё, что скажу, злючка.

— Я не злючка! — не сдержалась Маша, когда его спина исчезала в коридоре. — Кто угодно бы злился, — оправдалась шёпотом себе под нос, когда дверь уже закрылась.

Выводить Шувалю из терпения раньше времени Маша не посчитала нужным, неизвестно, на что он способен, поэтому кое-как привела себя в порядок и пошла в кабинет. Да и чего скрывать, было любопытно, что хозяин запросит с неё в качестве компенсации морального ущерба.

В коридоре было пусто и довольно пыльно, а ковролин усыпан мелким мусором. Местная уборщица или отсутствовала, или крайне непрофессионально выполняла свои обязанности. Маша такую давно бы уволила ко всем чертям.

Белая дверь, которая возле ручки была заляпана грязными руками, оказалась

приоткрыта.

— ...с началом зимы, гадёныш!

Кто-то большой и злой.

— Угу.

А это Шуваль, скучающее и рассеяно.

Потом раздался щелчок и гудки. Кто-то звонил по громкой связи и угрожал?

Маша, задумавшись, толкнула дверь и вошла. Шуваль стоял у большого офисного шкафа с прозрачными дверцами и в упор смотрел на складированные там папки.

— Я пришла.

Маша с любопытством огляделась. Большой светлый кабинет с современной мебелью под дерево и тоже пыльный.

— Ага, вот и ты.

Хозяин был недоволен. Он повернулся и хмурясь прошёл к столу, сел в кресло. Схватил папку со стола.

— Маша, Маша... Какие, однако, интересные вскрываются, стоит ознакомиться с твоей биографией ближе.

Биографией? Он что, досье собрал?

Взгляд метнулся на бумаги. Эта выписка... явно судебская печать. У него что, материалы дела на руках?

Маша побледнела. Как он их достал? Хотя что ему, он же Высший...

Шуваль пролистнул несколько страниц и спросил:

— И много удовольствия получила, когда своих сдала?

Сдала? Маша брезгливо прищурилась, как щурилась во всё время процесса, отвечая на вопросы адвокатов:

— Да. Гораздо больше, чем ты можешь представить. Куда больше, чем получаешь ты, когда отрываешься на тех, кто не может ответить. За то, что я остановила тебя единственным доступным способом — применила магию. Тебя, который слов не слышит. Прёшь как танк, а потом удивляешься, что жалкие девчонки не бросаются грудью на твой танк в честном бою, а ковыряют по ночам гусеницы. Я поступила по совести и никогда, слышишь? — ни на миг об этом не пожалела!

— Ты у нас праведница, я понял. Любишь в глаза тыкать своим моральным превосходством?

— Тебе и тыкать не нужно.

— Одно непонятно. Чем я так провинился? Не то чтобы меня волновало, просто странно порой наблюдать за женской логикой. Я чудовище, которое... что? Что я наделал?

— Ты? — Маша пошла в разнос. — Кроме того, что принуждал мою подругу к сексу?

— А! Всё-таки подругу!

— Классический перевод темы!

— Ну да я не принуждал, смею заметить!

— Да конечно?!

Маша поняла, что кричит. Совсем довёл своей непробиваемой тупостью!

— Конечно. Она же сама себя предложила. Я только и сделал, что отправил человека узнать про нового мага в городе, не могу же я закрыть глаза на нарушение правил переселения? Ты знаешь, как заведено — маг переехал, маг доложил местному хозяину, испросил разрешение. А она сидела молчком, а когда к ней пришёл мой человек передала,

что просит покровительства. А я что поделаю? Не выгонять же её прочь?

— А отказаться никак?

— Да как? Ты что? У меня...

Он вдруг замолчал и сморщился.

— Меня хотят убить.

Вот это перевод темы, так перевод!

Тон был совсем иным. Маша поняла, что не может произнести ни слова.

— Кто? — через некоторое время спросила она, скорее, от неожиданности.

— Известно, кто. — Шуваль криво усмехнулся. — Мои многочисленные враги.

— Откуда?.. — Она запнулась.

— Откуда у меня враги?

— Ну, вроде того.

Он выглядел слишком молодо, чтобы у него было много врагов. Хотя Долли упоминала, что Высший переехал сюда из большого города после каких-то разборок с себе подобными. В общем, кто их, Высших, знает.

— У меня они есть, милая Маша, поверь на слово.

В его улыбке было что-то и весёлое, и мрачное, и саркастическое. И обращение, как с ребёнком, хотя ненамного он и старше.

— Ладно. И что дальше?

— А дальше ты мне поможешь.

— Чем?

Он сел удобней. Кожа кресла скрипнула.

— Обычные маги не знают... многих вещей. Одна из них, как бы выразиться, добровольная помощь мага Высшему. Подробности позже, для начала просто прими на веру, что ты можешь мне помочь, причём без особого труда.

Маша прикинула. Если правда, что без труда, то действительно, она ничего в волшебстве не понимает. Что-то Высший темнит, вон, паузу выдерживает, затаился, как змея. Змей в его случае, мужчина всё-таки.

— И?

— Насчёт добровольной помощи, я так понимаю, ты уже согласилась?

— Не совсем. Просто хочу услышать всё до конца.

— Ладно. — Он быстро сморщил нос. — Дело не просто в добровольной помощи, совсем нет. Ты не просто должна хотеть мне помочь. Загвоздка в том, что для этого ты должна меня полюбить.

— Что? — Маша подавилась и закашлялась.

— Ты должна меня полюбить.

— Так ты серьёзно? Думала, послышалось.

— Я совершенно серьёзно. Любовь — и никаких отговорок.

Она покачала головой:

— Бред какой-то. С какой стати я должна тебя полюбить?

— А почему же нет? Я молодой и сильный. У меня полно денег, а однажды я захвачу мир.

— Мир? — многозначительно уточнила Маша. На губы выползала улыбка и прогнать её не получалось. Что-то в нём было, в этом Высшем...

Нет, глупости!

— Боюсь, помощи от меня ты не дождёшься. — Выдавила Маша.

Он молча поднял взгляд к потолку и покачался вместе с креслом вправо-влево.

— Ну-у... Тогда мы умрём вместе.

— Не поняла.

— Все, связанные со мной кровным контрактом, умрут, если меня убьют. Советую запомнить.

— Что?!

Ушам своим не верилось! Он не мог... не имел права... Ах, чёрт! Он-то как раз мог что угодно. Как и её «родные», потому что кровный контракт стоит бешенных денег. Они не просто её продали, а судя по всему, очень выгодно продали.

— Ты не одна с таким контрактом, не кукуйся. Всё моё окружение на них завязано. Это стимулирует искать выход, потому что, знаешь ли, мне хочется жить.

— Скотина. — Процедила Машка. Можно больше не сдерживаться, что он уже сделает? — Мне тоже хочется жить!

— Значит, придётся приложить усилия, чтобы жил я. Видишь, как интересно устроен мир? Я живу — ты живёшь. Я... не живу — и тебе ничего не светит.

Своё замечание он сопровождал жестами.

— О, да! После эти слов я полюблю тебя просто до смерти.

Маше хотелось его уколоть, но Шуваль остался спокоен, продолжал покачиваться в своём огромном кресле и немигающее смотрел на неё.

— А ты, в общем-то, мне нравишься.

Нет, он реально умудрился взбесить! Зато она с изумлением поняла, что страха никакого не осталось. Совсем. Она ведь до смерти его боялась, а за свою ночную выходку, была уверена, ей ответят чем-то ужасным. Однако Шуваль больше болтал, чем делал гадостей.

Не считая контракта на жизни.

— Ладно. Предположим... — она с трудом собралась и произнесла вслух: — Предположим, у меня получится... в тебя влюбится. Дальше что?

— Дальше в случае опасности ты вызовешь для моей защиты земного духа. Против духа не существует оружия, его нельзя убить или остановить. Управлять им может только хозяин.

— У меня такое ощущение, что всё это бред.

— Отчего? Просто оттого, что ты не знаешь о духах?

— Ну... легенды слышала. Но не думала живьём увидеть человека, который собирается вызвать духа. Это... это же сказки.

— Вот потому-то, девочка-одуванчик, меня и хотят убить.

Сказал, будто меню зачитал.

— Потому что ты собираешься вызвать духа?

— Не-а. Потому что я рассказываю людским магам то, чего они знать не знают.

— Но почему мы не знаем?

— Догадайся.

Маша смотрела в его чернючие глаза, которые казались бы жуткими, если бы не улыбка на губах, и прокручивала в голове новости. Врёт? Кто его знает, что Шуваль задумал. Врун несчастный!

Но если не врёт, лучше сразу принимать всё серьёзно, потом будет поздно за голову хвататься.

— Мы не знаем, потому что Высшие это от нас скрывают? — предположила Маша.

— Именно!

Вывод был только один.

— Потому что иначе мы можем стать... сильнеей?

— Тоже верно.

— Кто бы сомневался, — под нос пробормотала Маша.

Шуваль тем временем покосился в экран ноута, стоявшего слева.

— Всё, я рассказал, что тебе нужно знать, теперь иди.

— Иди влюбляйся на расстоянии. — Покривлялась Маша.

— А чтобы не скучала, займись уборкой квартиры. Неделю уже никто ничего не делает.

Переключаю чистоту на твои плечи. Ты должна чем-то заниматься, чтобы не скучать, я во всём этом ни черта не смыслю. В общем, займись!

— Отличный способ внушить любовь! Заставить девушку драить полы и унитазы!

— Я ж не покупать тебя собираюсь, а завоевывать.

Он опять зыркнул глазами из-за экрана и сосредоточился на ноуте.

Машка покачала головой и пошла прочь. Она бы посмеялась, если бы не была уверена, что он говорит серьёзно.

— Что за странный перец! — не сдержалась она в комнате, где очнулась и которую определила своей. — Зачем он меня предупредил? Так же проще... влюблять в себя, когда объект не в курсе. А тут... даже не знаю.

Однако хотелось еды и информации, поэтому Маша перестала зря думать и пошла искать кухню.

Через два часа она уже перезнакомилась с несколькими магами и людьми из окружения Шувалья. Они все состояли в кровных контрактах, но никакой обеспокоенности по этому поводу не выражали. Маша не стала ныть, что конечно, чего им бояться, им-то не нужно влюбляться в работодателя, чтобы всех спасти.

По сути, будущее всех окружающих зависит от Маши, думала она, подпирая рукой подбородок и размешивая сахар в третьей чашке кофе. Если она захочет всех спасти — влюбится в Шувалья — и все спасутся. А не захочет — не влюбится — и все помрут.

Один недостаток у схемы — Маша-то тоже помрёт.

— Хватит кофе глотать. Пора за уборку браться.

То, что её наняли для уборки, звучало более вменяемо, чем что её наняли для любви (как бы двусмысленно не звучало), поэтому Маша послушалась и отправилась в подсобное помещение. Алла Захаровна, местная домоправительница, показала ей где лежит и указала объём работ — всю квартиру, которая занимала ни много ни мало целый этаж в старом доме длинной в три подъезда. Все лишние перегородки снесли, создали общее пространство и потом его переделали в огромный «город-сад». Кстати, сад на крыше пятиэтажки тоже имелся, для людей невидимый. Впрочем, в доме жили только маги, так что посторонним туда хода не было.

Также домоправительница подобрала ей местную форму и обувь и даже позволила заказать нижнее бельё в онлайн-магазине. А самое приятное — разрешила брать в холодильниках что душевнее угодно.

В общем, Маша наелась от пуза и принялась за работу, чтобы происходящее обрело какую-то осязаемую реальность. Не хотелось бродить, словно во сне.

После разговора в кабинете Маша увидела Шувалю только через несколько дней, и то мельком. Она направлялась поздно вечером на кухню в последний раз перекусить перед сном и еле успела отпрыгнуть к стене, когда входная дверь распахнулась и двое Высших, окружённых тремя охранниками-людьми протащили её работодателя на руках в его комнаты. Тот был явно без сознания, глаза закрыты, кожа совершенно белая, голова болтается. На секунду Маша даже подумала, что перед ней труп.

На следующее утро, позавтракав, она выпросила у кухарки телефон и позвонила Долли.

— Нас не подслушивают? — нервно уточнила та, едва поздоровавшись.

— Вроде нет, — Маша старательно огляделась. Вокруг — никого.

— Я слышала, что он тебя поймал, — шмыгнула Долли носом. — Ты в порядке?

— Да.

— Что он... что заставил тебя делать?

— Хм. Не поверишь — убираться.

Долли через некоторое время выдохнула.

— Меня от тогда тоже не тронул, слышишь? Спасибо тебе!

— Пожалуйста. Я рада, что ты в порядке. Скажи... а что именно тогда произошло?

Когда за тобой закрылась дверь?

— Тогда? Ой, страшно было... жуть. Он ещё торопил, проходи, мол, быстрее — и сразу побежал к ноуту, сел за стол и давай с кем-то переписываться. Я стою, от ужаса обмираю, поняла же, что ты делать собралась. Потом... не знаю, сколько времени прошло — ему позвонили. Он взял трубку, стоит, слушает, время идёт — он ни слова. Я уж думала, заснул. Потом он аккуратно выключает телефон, смотрит на меня, глаза горят, хотя не знаю, как чёрное может гореть... и говорит: «Можешь идти».

— И всё? — Маша даже не поверила. Так просто?

— Да! Сама в шоке.

— Неужели он даже... даже не пытался?

— Ты что, издеваешься? — зашипела та.

— Ладно, занесло. Как Гошка?

— В порядке! Заедешь нас проведать?

— Попробую. Не знаю пока, как выпустят. Но я буду звонить.

— Я рада, что ты рядом.

— И я. Пока.

Маша положила трубку и задумалась.

Если сложить все кусочки, со стороны выглядело так — Шуваль получил личное предложение от пришедшей красавицы-магички и не мог отказаться, потому что слухи бы разнесли, что он слаб или немощен, или идиот (выбирай любое). Поэтому он согласился и Дольку пригласил к себе, потому что иначе пошли бы слухи (см. выше). А судя по его разборкам с кем-то из столицы, а там самая верхушка Высших сидит, ясен пень, ни малейшей слабости допускать Шувалю нельзя.

Долли он трогать не собирался, просто хотел подержать в комнате, чтобы слухи унять. И не врал, что месяцами без баб обходится, об этом сразу узнаёшь, стоит пару дней пожить на одной территории. В квартире же Шувалю не болтали о его бабах, значит, их никто не видел. То ли ему действительно не до того, то ли они ему жуть как надоели.

Может он по этой части болен, бедняжка? Хм, нет, тогда проклятье бы не сработало.

В любом случае, на людях Шуваль всегда будет демонстрировать силу, а вот тогда, в

кабинете... Это был он настоящий?

Машка сердцем чувствовала, что видела настоящего Шувалю. Что ей повезло увидеть то, что видят единицы. Её жизнь сложилась так, что с верха она упала на дно и не смогла самостоятельно подняться. Его жизнь судя по всему тоже сложилась непросто, но он умудряется держаться. Зная магические законы, Машка могла представить, каково это, и почувствовать непрощеное уважение к его упорству.

Мало того, он намерен карабкаться вверх!

Так, в восхищённых раздумьях, она отправилась работать и решила первым делом убрать небольшой зал для приёмов, что располагался как раз у комнат Шувалю. Ей было жутко любопытно узнать, что произошло вчера. Его действительно пытались убить?

Но никто не изволял утолять Машину любопытство. Ну вот никто! Высшие проходили пару раз мимо комнаты, вернее, проносились словно ветер и даже не достаивали взглядом.

Потом прошла кухарка с подносом, на котором стоял завтрак. Ну, если он ест, значит, живой, решила Маша. Значит, выбрасываем его из головы — и пусть катится. Своих проблем, что ли, мало?

И всё же она не выдержала и отправилась к нему в кабинет, смежный со спальней. На всякий случай.

Двери открыла самостоятельно, но в них тут же возник охранник-человек. Впрочем, он моментально отступил, его сменил Высший. Он был старше Шувалю, но лицом похож, видимо, одна семья.

— Ну? — сказал он вместо приветствия.

Точно одна семья! Такой же хам!

— Доброе утро. Я пришла узнать, как чувствует себя Шуваль.

Он покосился на Машкин рабочий халат и тряпку, которая торчала из кармана.

Машке, кстати, её новая работа нравилась. Это было просто дико, она бы никому никогда не призналась и раньше бы ни за что ни поверила, но ей нравилось делать грязное чистым. Она даже подозревала, это какое-то отклонение в голове, ведь труд уборщиц считается самым неуважаемым в обществе. Но Маша просто млела, когда пыльное стекло после мытья становилось прозрачным и каким-то волшебным-сверкающим, а паркет приобретал глубину, в которой терялся взгляд. А белизна двери вообще вызывала благоговение.

Так что халата своего она не стеснялась. Да и не на свидание пришла!

— Прошу прощения, — неуверенно нахмурился Высший. — Девушка... Но вы кто?

Пугаться или дичиться своего положения она не собиралась. Ничего неприличного в нём не было, она работала на хозяина, чтобы обеспечить семью (пусть даже понятия не имела, кому именно уходят её деньги) и если бы не момент с контрактом на жизни, оставила бы всё, как есть. Ведь таскаться от одного родственника к другому, смотреть на их недовольные лица так же приятно, как содержаться в рабстве.

В общем, Машу почти всё устраивало, даже то, что Шуваль не пытался никак «влюбить» её в себя. И более того — как будто сам забыл, что ему это нужно. Болтали, конечно, что он чем-то очень занят, но это всё отговорки, понятное дело.

— Я? — Без тени сомнения переспросила Машка, на которую внезапно напало шкодливое настроение. — Невеста я его, разве непонятно?

Высший не нашёлся с ответом, только хлопнул два раза глазами и ушёл в спальню, откуда вернулся с милостивым позволением на посещение царской персоны.

— Добрый день, господин! — Съехидничала Машка, пройдя в спальню и сложив руки на животе, как заботливая матушка.

— И тебе привет.

Впрочем, шутить сразу перехотелось. Он выглядел плохо, даже очень плохо. Лежал под тонким одеялом неподвижно и почти не выделялся на белых простынях. Волосы были мятые, глаза мутные, словно сонные.

Раньше она не видела его спальню. И никогда бы не подумала, что Высший может жить так — тут не просто минимализм, тут только жалюзи на окнах и кровать. Ну, ещё крошечный столик у кровати с бутылками и таблетками.

А мне чего, жалко его? — подумала Машка. И никогда не призналась бы, что такой Шуваль, домашний, простой, куда ей ближе, чем выряженный франт, которым тот щеголяет по городу.

Но не будем забывать, что он заключил контракт на жизни, не изволив испросить разрешения! Машка отвела глаза.

— Ты пришла меня навестить? — довольно слабо спросил он. Его руки лежали поверх одеяла: тонкие длинные пальцы, матово-белые ногти.

— Нет, скорее узнать.

— И что же?

— Да вот... положены ли мне какие-то выплаты? Я же недёшево обошлась твоему кошельку?

Заминка.

— Да, недёшево.

— Хотя до сих пор не знаю, кому из родственников повезло.

Заминка.

— Они торговались, как львы.

— Так вот, мне бы хотелось часть на личные расходы. Я же не могу совсем без денег.

Заминка.

— Хорошо.

— Хорошо? Даже уговаривать не придётся?

— Не придётся. — Он кисло улыбнулся. — Только обидно как-то, что ты из-за денег пришла, а не проверить, не подыхаю ли я тут.

— Ну извини, как ты, так и я... Если бы с самого начала наше знакомство сложилось...

Он дёрнул рукой, как будто хотел остановить и неожиданно зашипел. А потом мелко и часто задышал, прикрывая глаза. Невероятно, но его кожа стала ещё светлей.

Машка нахмурилась и вдруг подбежала к кровати, где сбилось одеяло. Его руки снова дёрнулись в защитном жесте, но она бесцеремонно подняла одну из них и откинула край одеяла.

И не смогла сдержать вскрика.

На его боку был шрам длиной сантиметров в двадцать, свежезащитая рана, покрытая слоем медицинского клея. Мало того, его живот и бока были просто усеяны шрамами — толстыми и тонкими, старыми и новыми.

Дело в том, что мага, а особенно Высшего, легче всего убить ударом в живот или хотя бы в бок. Всё остальное у него хорошо защищено матерью волшбой — целясь в горло, например, пятьдесят процентов вероятности, что случайно промажешь, а остальные пятьдесят — что нож в руках окажется тупым и не причинит вреда. Неизвестно, почему так,

но убить мага наверняка можно только воткнув ему нож в живот.

Судя по зрелищу, Шувалья действительно хотели убить, по крайней мере пытались, неоднократно.

И оказывается, осторожничал и заминался во время разговора он вовсе не потому, что думал над ответом. Он просто пытался совладать с болью.

— Позвать кого-нибудь? — Сглотнув, пролепетала Маша, не в силах отвести глаз от его раны. Швы, похоже, разошлись.

Шуваль, стискивая зубы, кивнул.

Выскочив из спальни, она дрожащим голосом попросила Высшего зайти к Шувалью и вышла в коридор. Горло перехватывало от жалости и страха.

Только сейчас Машка поняла, что всё очень и очень серьёзно. Что шутки кончились. Он не врал, когда говорил, что его хотят убить.

Ни единым словом.

Немного успокоившись, Машка поняла — ничего не остаётся, кроме как заняться поиском информации. Раз дела обстоят так, что его могут убить в любой момент, значит, нужно попытаться понять, кто, зачем и как сделать, чтобы не убили.

Но где её найти, эту информацию? Разве что выбраться из квартиры наружу.

Маше бы хотелось, чтобы ей запретили выходить на улицу, но никто ничего такого не запрещал. Однако денег не было даже доехать до Долли, а пешком идти уже холодно, поздняя осень всё-таки, да и лень. Да и вряд ли та расскажет что-нибудь новое. Машка сомневалась, что подруга обладает информацией в отношении Шувалья.

И вообще ей было лень всё. Приближалась зима и Машка в это время всегда засыпала, прямо как медведица. Не хотелось ничего делать, ни на шопинг, ни путешествовать, вообще носа на улицу высовывать.

Оставалось только расспрашивать окружающих, но те молчали. Алла Захаровна смотрела, как на радио, которое издаёт какие-то звуки, и в ответ только сообщала, какое помещение первым делом нуждается в уборке.

На секунду Маша допустила слабость и помечтала — а может, ну его всё к чёрту? Не хотелось ей ничьих проблем решать, хотелось только жить и ни над чем голову не ломать. Но она же не страус, чтобы на самом деле голову в песок совать.

Через несколько дней Шуваль поправился, заявился весь при параде, когда она сидела в столовой, и пригласил вечером на свидание в клуб. Тот самый, где так неудачно, по его словам, началось их заочное знакомство.

От таких предложений не отказываются, и Машка согласилась. Тем более лучший источник информации о Высшем — сам Высший.

Квартира Шувалья располагалась всего за три дома от клуба, но за ними заехала машина. Не пешком же хозяин города пойдёт на танцульки, верно? И не в компании мымры?

Машка, недолго думая, надела платье, в котором сюда прибыла, а макияж делать не стала, потому что у неё не было косметики. Шуваль, однако, при встрече осыпал комплиментами, звучащими на удивление честно, и вышагивал рядом гордый, как петух. Может и придурился, конечно, но слишком уж натурально... В общем, на входе в клуб Маша подумала, что это весьма странное свидание ей, в общем-то нравится. Но потом они вошли... и вид знакомого зала, забитого уже виденными девицами, плотоядно поглядывающими в сторону Высших, тут же её пыл охладил.

Шуваль отвёл её к тому самому столику за перегородками и сам сделал заказ. Тут, в ограждении от людей, на Машку снова напало упрямство.

— Вот так и влюбляйся в вас! Получишь, что хочешь, потом быстренько уберёшься восвояси к своим чувырлам, а я страдай! — Пробурчала она, скреживая руки на груди.

— Может, я не такой.

— Что-то сомневаюсь.

Он широко улыбнулся.

— Не проверишь — не узнаешь, верно?

— Вот ещё буду я рисковать, проверяя! Не нужно меня на слабо брать.

— И всё же тебе придётся проверить. Но не бойся — я однолюб.

Машка сжала губы и промолчала. Он вёл себя так, будто ни секунды, ну вот ни на микрон не сомневался, что она в него влюбится!

Украдкой поглядывая на Шуваль, который отвлёкся на телефонный разговор, Маша думала, что последствия покушения всё ещё сильно видны. Он старается не поворачиваться в поясе, только всем торсом, держать осанку и дышать не очень глубоко. Иногда его лицо бледнеет, как будто ему становится больно. Прошло всего три дня, зачем он встал с кровати? Не из-за того же, чтобы вывести её в свет. Значит, дела. Передышка будет слишком дорого стоить? Лучше жизнью рисковать?

Впрочем, его жизнь и так на волоске.

Шуваль торопится жить?

Не считая этих мелочей, выглядел Высший прекрасно. Чистая матовая кожа, глаза-колодцы, упрямые губы и твёрдая улыбка. Белоснежная рубашка и тёмно-синий хороший костюм.

Если бы Машку притягивали только внешность, она давно бы в него влюбилась. Однако ей требовалось больше, вот в чем загвоздка. Всё было бы проще, будь Машка менее переборчивой.

— Как твои дела? — отключившись, спросил Шуваль.

Глаза забегали, пока Машка искала в вопросе подвох. О чём он? О её нынешнем положении, которое, как ни странно, её устраивало. Налички бы ещё...

— Я распорядился треть заработанной тобой суммы выдавать тебе на руки по понедельникам.

Сказать было нечего... Теперь дела вообще так отлично, исключая разве что какую-то мелочь.

— Я в тебя не влюблена, если что.

— Не влюблённость, а любовь. — Поправил он. — Мне нужна любовь.

— Я всё ещё сомневаюсь, что ты можешь требовать этого серьёзно. Такие вещи не зависят от... от человека. Любовь просто приходит и всё! И не спрашивает человека. А ты хочешь от меня невозможного! Не могу я любить по указке.

— Хочешь секрет?

Он, конечно, ничуть не смутился. Улыбался шикарно и насмешливо щурил глаза.

Машка была не уверена, что хочет, но всё-таки согласилась.

— Ну, давай.

Он наклонился, поманив её пальцем. Машке это понравилось ещё меньше, но она тоже наклонилась вперёд.

— Знаешь, в чём секрет?

Он говорил очень тихо, почти шептал. Машка невольно подалась ближе, чтобы наверняка услышать, в чём же секрет. Любопытно было жутко.

— Секрет в том, что ты уже влюбилась в меня... Тем утром, в автобусе. Не хотела, думала обо мне плохо, но сердце-то не обманешь. Оно у тебя зашло, как у беговой лошади. Так что тебе и делать ничего не нужно, просто признаться в этом самой себе.

Машка медленно отклонилась, недоверчиво глядя на его довольное лицо. Вид как у наркодилера, удачно подсадившего на иглу целую школу — готовится снимать барыши.

Снова затрезвонил его телефон, и отвечать уже было поздно.

Ну каков наглец!

Машка принялась уминать блюдо, которое ей принёс официант и старалась не смотреть на Высшего, снова ставшего на редкость хмурым. Видимо, новости не ахти.

Но принесли коктейли и праздник продолжался. Она даже согласилась потанцевать медленный танец и почти не отвлекалась на посторонних девиц, которые так и норовили прижаться к Шувалю, а её случайно толкнуть. Тем более Шуваль на них не реагировал, смотрел на Машку очень серьёзно, даже с каким-то восхищением, как будто она действительно ему нравилась.

Вечер, в общем, удался.

С тех пор Шуваль то и дело приглашал Машу на ужин при свечах, или в кино, или по городу прогуляться. Вдруг забросал подарками — и шубкой, и сапожками, и сумочками, не говоря о косметике и ворохе одежды.

Теперь вроде он действовал, как положено при ухаживании, но всё же что-то было не так.

Машка со временем измучилась догадками, что не так. Нет, ну большой любви от него ждать нечестно, да и ведёт себя он корректно, других баб в дом не приводит, ухаживает, на близких отношениях не настаивает, а Машке только повод дай воскликнуть — ага! Я так и знала, что ты задумал меня использовать и выбросить прочь!

Что не так? Может, с ним рядом было слишком... слишком нормально, просто, к месту, как будто она действительно дома, как будто они давно живут вместе, не просто рядом, а семьёй, и так должно быть?

Больше всего добивала эта сумасшедшая, слепая уверенность, что всё будет как им сказано и Машка его полюбит.

Однажды, когда снег выпал и уже не растаял, она взяла выходной и отправилась к Долли в гости. Попросила у Аллы Захаровны её куртку, потому что, вот нелепица постеснялась идти в шубе, подаренной Шувалем. Ей было как-то неловко рассказывать о происходящем, хотелось умолчать. Как объяснить, что между ними происходит? Маша попыталась придумать... и не нашла слов.

В общем, она одела джинсы, чужую куртку и зашла по пути в магазин за тортом. Долли была дома вместе со всеми домашними. Гошка выбежал в прихожую и улыбался тремя зубами, которые у него успели вылезти. Машке показалось, он её узнал.

После удалось выпить чаю, пока тётя гуляла с Гошкой на улице.

— Рассказывай, как дела? Ты неплохо выглядишь, улыбаешься. — Говорила Долька, доставая заварку и блюдца.

— Не поверишь, всё хорошо. Я работаю и получаю деньги. И не нужно жить за счёт родственников, для которых я как кость в горле. А вы тут как?

— Всё так же. — Долли поморщилась. — Боюсь на улицу выходить.

— Почему?

— Мужиков всех боюсь. Повезло от Шувалья уйти, а с другим может не повезёт. Ты же не станешь ходить за мной по пятам и всех мужиков половым бессилием награждать.

— Тебе нужно перебороть этот страх. Устройся на работу, займись чем-нибудь...

— Да что ты понимаешь! — Нахмурилась Долли. — Откуда тебе знать, какого мне приходится? К тебе вот даже Шуваль не приставал, который мне прохода не давал!

— Вообще-то ты сама ему предложила плату за помощь. — Холодно ответила Машка. Долли иногда заносило, но Маша не злилась, просто ставила подругу на место. Потому что понимала, откуда ноги растут — лет в тринадцать на Долли напал пьяный и попытался изнасиловать. В тот раз она отбилась, повезло, но с тех пор боялась до ужаса своей собственной привлекательности.

— Ладно, давай не будем ссориться. — Долли тут же виновато потупилась и стала ковырять торт ложкой. — Ты не думала сбежать? Я всё время представляю, прокручиваю в голове, что тебе там очень плохо. Жить возле Шувалья... — Её натурально передёрнуло. — Врагу не пожелаешь.

Это прозвучало неожиданно. Маша вдруг подумала, что со стороны её положение выглядит тяжёлым и даже трагическим. Ну да, если смотреть со стороны и видеть тот образ, который создал Высший в демонстрации своей силы, всё очень печально. А на деле происходит иначе. Он не просто уважает своих работников, как ни странно, у него имеется даже немалый такт! Обёртки так двулики. У них, например, был чудный клан — дружный, счастливый и свободный, а за всем этим — женщина на цепи в подвале.

— Маша, я тебе помогу! Ты ради меня рисковала, я тоже рискну! Я же умею... Отведу глаза так, что и не сразу вспомнят, что ты была!

Машка воочию увидела, как это происходит — в квартире Шувалья продолжается жизнь, ходят люди, пахнет ужином, мебель покрывается пылью, а о ней никто даже не вспоминает. Шуваль смотрит на груды её вещей и не помнит, чьи они. Неприятное зрелище. Оказывается, она уже привыкла к нему, к его присутствию. К его словам и подтруниваниям, к подаркам и уверенности, что жизнь сложится так, как он хочет.

— Спасибо, не нужно пока. Я справляюсь, правда.

— Ну если что, я тебе всегда помогу!

— Долли, помоги для начала себе. Устройся на работу, начни из дому выходить! Нельзя так всё время!

— Ладно, я подумаю.

Маша надеялась, подумает. Иначе Долли исчахнет, а то и пить начнёт. Нет ничего хуже спиртного для мага — оно выжигает мать волшбу внутри так, что она не может восстановиться. Пьяницам-магам тем горше становится, чем больше они пьют.

Домой Маша вернулась поздно, в квартире было тихо, видимо, один из тех вечеров, когда Шуваль отпускал всех домашних, кроме охраны. Охранники в лице двух Высших не уходили никуда и никогда, и в последнее время даже ночевали в одной с Шувалем комнате. Комната из-за этого выглядела нелепо — одинокая кровать посреди пустого помещения и две раскладушки вдоль стены.

Если припомнить, без охраны Шуваль оставался только когда проводил время с ней. То есть с её стороны нападения он не боялся? Не ждал удара?

Интересно как.

И правда, в кабинете, куда Маша не постеснялась заглянуть, чаевничал Шуваль, два

охранника и ещё один незнакомый Высший.

Их возраст не так просто определить на глаз, как человеческий, но незнакомец явно был самым старшим в компании. И высокомерным. Он так глянул на сунувшую в щель голову Машку, что та молча отпрянула в коридор и закрыла за собой дверь.

— Присоединяйся, если хочешь! — Радостно крикнул ей вслед Шуваль.

Ага, нашёл дуру.

Утром, как ни странно, никто из obsługi не вернулся, кухарка тоже не появилась, поэтому Машке самой пришлось готовить себе завтрак. И как же она удивилась, когда явился вчерашний незнакомый Высший и молча подошёл к кофемашине, запуская её, вместо того, чтобы заставляя налить кофе Машку.

— Ты Маша? — спросил он. Голос у него был как у оперного певца, которые даже в обычной жизни не говорят, а произносят.

— Да. А вы?

— Я отец Шувалья.

— Очень п...риятно, — запнулась Маша. Неожиданный поворот. Конечно, у Высших всё иначе, и взрослые дети могут жить отдельно, не завися от семьи и клана, однако она почему-то думала, что Шуваль сирота. Оказалось, ничего подобного.

Высший не представился, но зато поджарил себе тосты тоже сам. И сам достал из холодильника масло и ветчину.

— Позавтракаем вместе?

Отказываться было как-то неловко, но Маша собрала все свои слабые силы и ответила:

— Я лучше в комнате. Новости хочь посмотреть.

— Жаль, — без тени недовольства ответил Высший. — А я хотел кое-что рассказать про вас, магов, и нас, Высших. И про ауры.

Быстро нашёл, чем купить, вздохнула Маша, покорно присаживаясь со своей чашкой рядом за барную стойку.

Высший без суеты размешивал свой кофе, но к разговору подошёл ответственно, не заставил мучиться от любопытства.

— Знаешь, чем ауры высших и магов отличаются? Видела во время Многоцвета?

— Ну да. У Высших матовые.

— Это сила. Чем сильнее, тем больше света впитывает. А что каждый цвет что-то да значит?

Машка помолчала. Ей об этом уже говорил Шуваль, и она пришла к выводу, что он сказал правду. Значит, слухи правдивы и цвет имеет не только визуальное значение.

— Да.

— Знаешь смысл чёрного цвета ауры?

У Шувалья как раз такая, необычная. Тёмные ауры свойственны Высших, но совсем чёрную она до Шувалья не видела.

— Нет. И какой?

— Целеустремлённость. Абсолютная целеустремлённость, если совсем точно. Сила, на пути которой не может быть преград. Шуваль такой — если он поставил себе цель, сбить с дороги его невозможно. Именно поэтому его хотят убрать, ведь он стоит на пути у многих жаждущих власти. Стоит уже только потому, что существует. Неизвестно, что задумает Шуваль, но вдруг их интересы пересекутся? Проще убрать его до того, как он повзрослеет и сможет дать сдачи.

— Он вроде и сейчас неплохо даёт.

Высший задумчиво помолчал.

— Не совсем. Ему больше везёт.

Маша молча прикинула. Всё, что она знала о Шувале на текущий момент, подтверждало, что это правда. Более целеустремлённого человека не найти. И более везучего, судя по количеству шрамов, ни один из которых не стал смертельным.

— А свою ауру знаешь?

— Мою бледно-жёлтую? — не стала прикидываться Маша.

— Да.

— Ну, говорите.

— Аура такого цвета означает абсолютную порядочность.

— Порядочность? — Она разочарованно фыркнула. — Ну прямо там. Где я, и где порядочность.

— Не скажи. В моменты, когда ты должна сделать главный выбор, ты всегда поступишь по совести. Даже во вред себе самой. Если ты задумаешься и вспомнишь свое прошлое, поймешь, что это чистая правда. Очень редкий цвет, между прочим. Кроме того, оба ваши цвета — первичные.

— Ну, предположим.

— А теперь... смешай эти два свойства. Абсолютная целеустремлённость, слитая с абсолютной порядочностью... такой человек способен покорить весь мир!

Ответить было нечего.

Она не видела, как её аура сверкает на матово-чёрном, но наверное, это очень красиво.

— Каждому Высшему, который хочет добиться высот, нужна своя женщина, — продолжал отец Шувалы. — Правильная женщина. Полностью подходящая по ауре... и по характеру, определяемому аурой.

Маша почувствовала себя неловко и уткнулась в свою чашку, где поверху плавала молочная пена.

— Я вернусь в столицу и продолжу следить за теми, кто хочет убить сына. Они не позволят ему окрепнуть. Дать небольшую фору — всё, что в моих силах. А ты... спаси его, если сможешь. На этом разговор закончен.

Прозвучало, словно позволение уйти, чем Машка тут же воспользовалась. Не любила она, когда родители в жизнь лезли, даже свои собственные. А уж незнакомый мужик, пусть и Высший, подавно.

Скоро их совместные с Шувалем ужины вошли в привычку.

Они посетили все более-менее нормальные места в городе и окрестностях.

Всё было... нормально, но Маша всё сильнее привыкала к тому, что Шуваль рядом. И с временем убедилась, что он совсем не такой, каким выставляет себя в обществе. Вовсе не циничный бабник, к женщинам относится с осторожностью и уважением. Правда, бывали исключения. Однажды в ресторане к ним подскочила тощая женщина в возрасте, одетая в аляповатое подростковое платье. Она проскочила сквозь охрану, которая на миг отвлеклась, и, наклонившись над Шувалом, стала просить о помощи. Она стареет и не хочет этого. Она хочет вновь стать юной и красивой и просит его немедленно поделить своей кровью, чтобы она могла достичь желаемого. Или чем угодно. Чем угодно, многозначительно подчёркивала женщина раз за разом.

Машка реально растерялась. Никогда не думала, что увидит живую человека, который так прибедняется, лебезит и ничуть этого не стесняется. Да ещё в таком почтенном возрасте. Пожилых людей нужно уважать, но уважать эту... Как заставить себя уважать того, кто сам себя не уважает?

Шуваль вдруг молча взял эту дамочку за руку... и плюнул ей в ладонь.

Тут и охрана подросла, оттащила её прочь. Но женщина не стала возмущаться, оказавшись за пределами зала она судорожно стала размазывать по лицу слювок.

Машку даже затопило от увиденного.

— Надеюсь, аппетит я тебе не испортил? — как ни в чём ни бывало спросил Шуваль, аккуратно разворачивая салфетку.

В тот момент Машка кое-что про него поняла. Она поняла, что однажды может действительно в него влюбиться.

Такими темпами к Новому году она выполнит его главное требование — предоставит любовь самого высокого качества.

А что потом?

— Как вызывают духа? — спросила она однажды, когда они сидели в гостиной и смотрели какой-то новый фэнтезийный блокбастер. Человеческие представления о магии забавляли тем, что были красочными, но крайне далекими от реальности.

— Дух — это просьба, которую ты обращаешь к земле. К стенам своего дома. Ты просишь защитить того, кто тебе дорог — и дух откликается. Я и сам знаю только теорию.

— Но это не мешает тебе учить меня, что делать?

— Учить, не дрова рубить, — пожал он плечами.

Машка вздохнула и потянулась за новой порцией попкорна, который Шуваль приготовил собственноручно.

Момент, что стоит разок вызвать духа, и Шуваль будет заставлять её делать это постоянно, использовать духа по своему усмотрению, остался без обсуждения. Вернее, Машка была уверена, что он станет так делать, а что думал по этому поводу Шуваль, никто не узнал.

Однажды он её поцеловал.

Зима уже совсем разошлась, морозы ударили такие, что Машка больше не ерепенилась и носила подаренную шубу.

Тем вечером они катались в парке с деревянных горок на салазках, и, когда стемнело и зажглись фонари, вокруг стало очень красиво.

Они стояли недалеко от фонаря, окружённые синими сумерками. Высший засмеялся, когда снежинка села ему на нос. Вернее, в тот момент он вовсе не выглядел высшим существом, а был обыкновенным парнем, почти мальчишкой, который не думал ни о чём серьёзном. И уж точно по нему не скажешь, что он пережил немало покушений и только чудом уцелел.

Машка засмотрелась тогда на него. Вокруг смеялись и визжали от восторга дети, хрустел снег, и он заметил, что она смотрит, наклонился и легко поцеловал её в губы. А потом улыбнулся ещё шире.

Может, в тот момент она испугалась продолжения? Или что всё завертится и окажется не таким простым, как было с Архипом? Ведь не зря его лёгкий поцелуй — как клеймо, оставшееся на губах. А что будет, если он перейдёт к чему-то более серьёзному?

— Трусиха ты, Машка. — Сказал Шуваль.

А она развернулась и снова полезла на горку, в очередь на спуск.

Время летело. Все домашние откуда-то знали одну негласную вещь. В конце года, когда дни самые короткие и мать волшба сонная, Высшего убить проще всего. Значит, за Шувалем-таки придут. Не избежать ему своей участи, никак. Он может выкручиваться ужом, суетиться и выскальзывать из лап убийц, но рано или поздно они до него доберутся.

Кухарка готовила самые его любимые блюда, все ходили на цыпочках, как будто в доме смертельно больной, и старались угодить хозяину с той услужливостью, которую за деньги не купишь.

Домоправительница при виде Шувалю украдкой стирала слёзы платочком и шептала, как жаль, как несправедливо, как ужасно, что ему предстоит умереть таким молодым. Самые лучшие из нас всегда умирают первыми, говорила она.

Машка слушала и как будто не слышала. Ей казалось, это вроде спектакля, ведь никто отчего-то не боится умереть вместе с хозяином, заключившим контракты на крови. Значит, настоящей опасности нет. Значит, просто спектакль.

Приближался Новый год и каникулы. Машка так привыкла к новому дому, что уже не могла вспомнить, как жила раньше. Чего желать ещё? Она сама себе хозяйка, зарабатывает деньги, вкусно ест, полноценно спит, и срок запрета на использование магии неуклонно приближается к концу. Даже Долли удалось вытащить из дома и устроить в детский сад на должность помощницы повара. Гошку определили туда же. В царстве малышей и женщин подруга чувствовала себя спокойно.

Всё было хорошо. И стало бы лучше, дойди они с Шувалем до близких отношений. Машка почему-то знала — с ним будет иначе, не как прежде. В его объятьях уже не останешься в стороне, равнодушно думая только о том, когда всё закончится и можно будет поспать.

Но... любви не было.

— Не люблю я тебя, Шуваль. — Говорила она, когда они в очередной раз после проведённого вместе вечера расходились по комнатам. — Не люблю и всё.

— Трусиха. — Отвечал он.

До праздника оставалось три дня. Тем вечером Машка встретилась с Долли и они неплохо посидели в кофейне. Подруга даже не хотела идти домой, а Машка хотела — там Шуваль, которого сегодня она видела только мельком. Сердце звало? Наверное... Как понять? Любви-то нет.

Квартира снова была пустой и тихой, но такое и прежде случалось, поэтому Маша не обратила внимания. Раздевшись и переобувшись в домашние балетки, она отправилась к нему в кабинет.

Шуваль на звук открывающейся двери отреагировал так, будто к нему явилась сама Мать Волшба во плоти. Он сидел в кресле за своим столом и тяжело, сипло дышал. Глаза застыли, как у статуи. В комнате больше не было ни души, ни охраны, ни Высших.

— А где все? — спросила Машка, оглядываясь. Пусто.

А почему он так тяжело дышит?

А почему так воняет? Машка повела носом — легкий запах кислой гари. Холодно, форточка нараспашку, но запах не выветрился.

— Не дыши, Машка. И вообще, что ты тут делаешь? — Заговорил он. И сразу понятно — что-то не так. Нарочито спокойный у него голос, значит, что-то скрывает.

— Чем это пахнет?

— Это яд. Так что просто уходи.

Она нахмурилась, пытаясь понять, не шутка ли это всё.

— Ах, Машка. Что же ты. — Разочаровано шептал Шуваль, то и дело набирая полнук грудь воздуха. Тяжело же ему дышалось. — Что же ты такая трусиха, так и не призналась! Теперь поздно уже, теперь просто беги.

— Что? Куда?

— Прочь беги, далеко-далеко. Они сейчас придут.

— Как придут? Но где все? — Машка судорожно оглядывалась. — Где охрана?

— Она не поможет. Их слишком много. Они хорошо подготовились, накопили сил. Беги, дурочка.

Ласково и спокойно, но в глазах впервые со дня знакомства страх. «Я не хочу умирать», сказал он однажды. А теперь, похоже, смирился, что всё равно умрёт. А как не смириться? Все окружающие это знали, жалость можно было руками щупать. Все ждали этого дня и боялись его.

Кроме неё.

Машка отступила.

— Но как же контракт? Смысл бежать, если всё равно... если ты...

— Неправда всё это, Машка, выдумки. Какой контракт? Не стану я за собой невиновных на тот свет тащить. Это просто я так говорил. Все давно разошлись, как только яд пустили. Все уже в безопасности. Уходи, прошу тебя. Они и тебя не пожалеют, если найдут рядом со мной.

— Но как же ты?..

Она сглотнула вязкую слюну. Не зря столько машин вокруг дома скопилось. Она думала, мало ли, гости у кого-то, родственники приехали, а это приехали вовсе не они.

За окном вдруг что-то рвануло. Звякнули окна и зазвенели, раскалываясь, осыпаясь битым стеклом, застревая в голубой тюли.

— Беги, сказал!

Шуваль привстал с кресла.

Шум нарастал.

Машка с трудом отвела взгляд от окон.

Все знали правду, кроме неё.

— Почему ты был уверен, что я тебя полюблю?

Именно сейчас она должна была слышать ответ. Вернее — или сейчас, или никогда.

Но Машка не хотела «никогда».

— Потому что я тоже влюбился в тебя тогда, в автобусе. — Удивительно, но он улыбался. Стоял на пороге смерти и улыбался. — С одной стороны — такая вызывающая выходка, посягательство на мужское достоинство — и я должен поддерживать репутацию силы. А с другой — ты, у которой все мысли на лице. Живая, манящая, как глоток свежей воды. Твои глаза метали молнии и не могли их скрыть, как ты ни старалась. Твоя неприязнь была объяснима — ты же видела только сторону силы, которую я и сам порой ненавижу. Но как хотелось, чтобы ты узнала меня лучше, увидела, чтобы ты поняла, как... Как иногда сложно выживать. Я глаз от тебя не мог отвести, каждое твоё движение, каждая реакция,

прямо... — Он очнулся от очередного грохота. — Беги, слышишь? По чёрной лестнице уходи.

Всё-таки поднявшись, он с трудом подошёл, развернул её и толкнул в сторону коридора. — Беги! — Закричал на ухо. — Ну же!!

Машка побежала. Высшие приближались и было очень страшно. Казалось, целая армия на подходе. Чтоб наверняка?

В коридоре полопались почти все лампы, а оставшиеся мигали и гасли. В конце концов она оказалась в темноте.

Многочисленные шаги звучали с другой стороны. Высшие идут. Окна запечатаны, чтобы никто не вылез, входы наверняка тоже под контролем, но через чёрный можно ещё успеть обратиться.

Она остановилась, будто уткнулась в невидимую преграду. Их много, и на этот раз Шуваль не отделается новым шрамом на животе. Очень остро возникло осознание текущей неизбежности — через пару минут его не будет. Никогда больше не будет, вместе со всеми его достоинствами и недостатками, вместе с его улыбкой и грозными взглядами.

Всего его.

А остальные не боялись... потому что знали — никого он за собой не потащит. Будет кричать, угрожать, но в последний момент отпустит. То, что она принимала за долгоиграющий спектакль было настоящим прощанием, настоящим горем.

Выходит, они знали его гораздо лучше, чем Машка.

Она зажмурилась. Совсем без Шувалья? Совсем-совсем без него? И ни фильмов тебе с хрустящим попкорном, ни санок, ни поцелуев под парящими снежинками...

Ну уж дудки!

Ну что же, надо брать всё в свои руки. Она хоть и не соглашалась на контракт... но выполнит его до конца.

Никто его не тронет! Да если судить по последним месяцам, он половину жизни отходит от травм, хоть Высшие и живучие гады, а вторую половину тратит на подготовку к новому покушению. Хватит!

Помогите уже кто-нибудь!

Стены загудели, когда приходил он — вихрь серой пыли, грузный, медленный и гудящий.

Машка развернулась и спокойно отправилась обратно в кабинет. Бояться ей было нечего — за её спиной вился земной дух.

В комнату она вошла вслед за Высшими, которые не обратили на лишнего человека внимания. Увидела, как Шуваль поднялся им навстречу из кресла, которое обступили со всех сторон. Услышала насмешливые слова того, кто приблизился к нему, вынув длинный нож из ножен, усыпанных белыми, похожими на слёзы камнями. Рукоятка сверкнула красным перламутром, а глаза Шувалья остались серьёзными. Слишком серьёзными... Машка больше любила, когда в них смех.

Она подала команду в момент, когда Высший замахнулся. Потом вокруг был только пыльный вихрь, и крики, и обрывки одежды, мебели... и Шуваль, растерянный и печальный, смотрящий сверху вниз. Яд достаточно подействовал, у него не осталось сил сопротивляться. Он сполз обратно в кресло и замер.

— Если кто тебя и заберёт, то не раньше, чем я разрешу. — Наклонив голову, сообщила Машка. Потом подошла ближе и села на ручку кресла, болтая ногой. Действительно, Высшие

не могли ничего поделывать с духом, они болтались вокруг в глупых позах и беззвучно разевали рот. Разве можно остановить... воздух?

Он тут же подвинулся, прижимаясь щекой к её бедру и вздохнул.

— Я бы сказал спасибо, если бы...

— Если бы что?

— Если бы и так не принадлежал тебе до последнего удара сердца.

Новогодние каникулы наступили, ничего не могло изменить ход времени.

Сколько они длились? Машке казалось, целую вечность. Шуваль внезапно растерял свои царственные замашки и вопреки ожиданиям не стремился заставить её покорять столицу с помощью духа. Наоборот, он стал отдаляться от дел, проводя больше времени с ней.

Тогда она и поняла, о какой близости говорила Долли. Об одном на двоих дыхании, о ласках, от которых пересыхает в горле. Об удовольствии, которое при делении на двоих почему-то не уменьшается, а становится больше.

А ведь не встретиться ей Шуваль... может, она и не узнала бы никогда.

Исполнение своих требований касательно любви он, кстати, воспринял совершенно спокойно. А чего бы и нет? Он ведь никогда не сомневался, что она его полюбит, разве что в самый последний момент... но один момент не считается.

В общем, Хозяин города всячески отлынивал от обязанностей хозяина и старательно перекладывал их на плечи своих понаехавших родственников.

До того как заявился его отец «с намерением поговорить серьёзно о дальнейшем», они решили убраться из города прочь.

— Почему ты вдруг расслабился? — Спрашивала Машка, грея руки о стаканчик кофе, купленного на заправке. Они ехали на машине далеко-далеко, даже не знали, куда. Может, к морю выедут, может, к горам. — Раньше как пчёлка жужжал, а тут глянть-ка — ничего не делает, только на снегоходе катается и таскает меня по всем подряд развлечениям. Кузену место нагрел и хочешь его Хозяином вместо себя сделать? Ты же собирался завоевать мир?

— Чего тебе переживать? Твой контракт аннулирован, ты не обязана на меня работать. Или ты новый контракт хочешь, настоящий? Ага, я понял. И в случае развода половину мира?

— Ты вначале женись, а после имущество дели.

— И женюсь. Только развода у нас не будет никогда, так что думай хорошенько, брать ли меня... со всем миром в придачу.

— Так всё-таки мир прилагается?

Шуваль увлечённо крутил руль и ухмылялся. Свой костюмчик он сменил на свитер и джинсы, а у парикмахера не был уже месяц. Теперь в его волосы то и дело хотелось запустить пальцы.

— Сказки всё это. Зачем мне повелевать миром? Мне достаточно знать, что я могу его захватить. А захватывать на самом деле... я для этого слишком ленив.

Машка улыбнулась, отворачиваясь к дороге. Асфальтовая лента как чёрная змея по белой муке петляла и терялась на горизонте.

— Не скажу, что меня это огорчает. Многие знания — многие печали. Думаю, со властью дела обстоят ещё хуже.

— Да у тебя склонность к философии завелась! — В ужасе вскричал Шуваль и

отодвинулся к окну. — Надеюсь, это не заразно?

Машка не поддавалась на подначку. Было просто хорошо здесь и сейчас, с ним, ехать в незнакомую даль. Она глубоко вздохнула, любуясь пейзажем.

— Просто посмотри... Впереди у нас и так целый мир. Свободный и неисследованный. Зачем его захватывать? В нём нужно просто жить.

Конец

Больше книг на сайте — Knigolub.net